

LE MESSENGER

ВѢСТНИКЪ

РУССКАГО СТУДЕНЧЕСКАГО
ХРИСТИАНСКАГО ДВИЖЕНІЯ

III-МАРТЪ-1933.

ПАРИЖЪ

ВѢСТНИКЪ

(ВОСЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1933 ГОДЪ.

Т е м ы « В Ѣ С Т Н И К А » :

Духовная жизнь и ея правильное устройство.

Церковь, ея значеніе и мѣсто въ личной жизни и культурно-национальномъ строительствѣ.

Россія, ея судьбы и наши задачи.

Христіанство и Культура.

Молодежь и ея судьбы.

«ВѢСТНИКЪ» органъ борьбы за православное міросозерцаніе и православную культуру.

«ВѢСТНИКЪ» органъ творческой встрѣчи старшаго и младшаго поколѣній въ борьбѣ за цѣльную жизнь.

«ВѢСТНИКЪ» постоянно даетъ документальныя свѣдѣнія о жизни Совѣтской Россіи.

Особое вниманіе удѣляется матеріаламъ, относительно положенія въ Сов. Россіи религіи и жизни сов. молодежи.

«ВѢСТНИКЪ» проситъ друзей - читателей содѣйствовать широкому распространенію нашего журнала и принять активное участіе въ кампаніи по привлеченію новыхъ подписчиковъ.

Кампанія подписки на «Вѣстникъ» продолжается.

Пробныя №№ бесплатно. Обращаться въ редакцію и къ представителямъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ № 3 (1933)

О Св. Причастіи. (Изъ твореній Св. Іоанна Златоуста)	3
«Пасха» въ Саровѣ (окончаніе). — Прот. С. Четвериковъ	5
Святая Земля. — Ин. Ек.	9
Искусство безъ религіи. Запись доклада В. В. Вейдле	11
Трагедія безответной молитвы. — В. Н. Ильинъ	15
«Эволюція и борьба за существованіе». — Т.	20
Апологетическія замѣтки.	
Существовалъ ли Христосъ?	22
Какъ бороться съ безбожіемъ	24
Жизнь Движенія.	
Прага	27
Братислава	29
Отъ русскаго Историческаго общества въ Прагѣ	29
Книги, полученныя редакціей для отзыва	30

РУССКОЕ СТУДЕНЧЕСКОЕ ХРИСТИАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ЗА РУБЕЖОМЪ ИМѢЕТЪ СВОЮ ОСНОВНУЮ ЦѢЛЮ ОБЪЕДИНЕНІЕ ВѢРУЮЩЕЙ МОЛОДЕЖИ ДЛЯ СЛУЖЕНІЯ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И ПРИВЛЕЧЕНІЕ КЪ ВѢРѢ ВО ХРИСТА НЕВѢРУЮЩИХЪ. ОНО СТРЕМИТСЯ ПОМОЧЬ СВОИМЪ ЧЛЕНАМЪ ВЫРАБОТАТЬ ХРИСТИАНСКОЕ МІРОВОЗЗРѢНІЕ И СТАВИТЬ СВОЮ ЗАДАЧЕЙ ПОДГОТОВЛЯТЬ ЗАЩИТНИКОВЪ ЦЕРКВИ И ВѢРЫ, СПОСОБНЫХЪ ВЕСТИ БОРЬБУ СЪ СОВРЕМЕННЫМЪ АТЕИЗМОМЪ И МАТЕРІАЛИЗМОМЪ.

О Св. Причастіи

(Изъ твореній св. Іоанна Златоуста).

Великая и страшная Жертва обязуетъ насъ приступать къ ней съ совершеннымъ единодушіемъ и пламенной любовью, окрыляться, подобно орламъ, и такимъ образомъ воспарять къ самому небу. — «Такъ какъ гдѣ трупъ, — говоритъ Господь, — тамъ соберутся орлы» (Матф. 24, 28). Трупомъ Онъ называетъ свое умершее тѣло; ибо, если бы Онъ не умеръ, то и мы не воскресли бы; а орлами называетъ приступающихъ къ этому тѣлу и внушаетъ, что они должны возвышаться, не имѣть ничего общаго съ землей, не оставаться долу и не пресмыкаться, но непрестанно возлетать горѣ, стремиться къ Солнцу правды и имѣть острое око души. Это пища орловъ, а не галокъ. Достоинъ сейчасъ причащающіеся срѣтаться нѣкогда Господа, грядущаго съ небесъ, а причащающіеся недостойно подвергнуться поибели. Когда ты увидишь предложеннымъ тѣло Господне, то скажи самому себѣ: черезъ это тѣло я уже не земля и пепель, уже не плѣнникъ, а свободный: черезъ него я надѣюсь достигнуть небесъ и уготованныхъ тамъ благовъ — безсмертной жизни, блаженства

съ ангелами, соединенія со Христомъ. Смерть не устояла, когда это тѣло было пригвождаемо и уязвляемо; солнце сокрыло лучи свои, увидѣвъ это тѣло распинаемымъ; раздралась въ то время завѣса, распались камни, потряслась вся земля; оно есть то самое тѣло, которое было окровавлено, прободено копьемъ и источило всей вселенной источники спасенія — кровь и воду.

Спроси смерть — чѣмъ истреблено твое жало? — Чѣмъ разрушена твоя побѣда? — Чѣмъ сокрушена твоя сила? — Отъ чего ты сдѣлалась посмѣшищемъ дѣвицъ и отроковъ, тогда какъ прежде была страшна властелинамъ и даже праведникамъ? — И она укажетъ на него же. Ибо, когда оно было распинаемо, тогда возстали мертвые, тогда разрушилась темница ихъ, сокрушилась сила смерти, и мертвые воскресли, а всѣ стражи ада пришли въ ужасъ. Если бы оно было подобно другимъ, то надлежало бы произойти противному: смерть одолѣла бы; но не то произошло, потому что оно не было обыкновеннымъ; посему смерть и была побѣждена.

Ни одна жена рождающая не мучится такъ, какъ мучилась и терзалась смерть, принявъ въ себя тѣло Господа. Христосъ изшелъ обратно не черезъ уста смерти, но расторгнувъ и растерзавъ самое чрево этого змія, изшелъ изъ внутренности его съ великою славою, проливъ свѣтлые лучи не до неба только, но до самого горячаго престола, ибо туда Онъ вознесъ съ собою и тѣло.

Итакъ будемъ приступать къ этому тѣлу съ пламенною любовію, дабы намъ не подвергнуться наказанію. Ибо чѣмъ болѣе мы облагодѣтельствованы, тѣмъ болѣе будемъ наказаны, если окажемся недостойными благодѣяній. Это тѣло почтили волхвы, когда оно лежало въ ясляхъ. Люди, не знавшіе истиннаго Бога и чужеземные, оставивъ домъ и отечество, предприняли далекій путь, и пришедши поклонились ему съ великимъ страхомъ и трепетомъ. Будемъ же подражать хотя этимъ чужеземцамъ мы, граждане неба. Они, увидѣвъ его въ хижинѣ и въ ясляхъ и не видѣвъ ничего такого, что видишь ты теперь, приступили съ великимъ трепетомъ. А ты видишь его не въ ясляхъ, а на жертвенникѣ, видишь не жену держащую, а священника предстоящаго и Духа, осѣняющаго предложенное съ великою благодатію, и не просто только видишь это тѣло, какъ они видѣли, но знаешь и силу его и все домостроительство, знаешь все, что совершилось черезъ него, бывъ наученъ всѣмъ тайнамъ. Посему будемъ приступать съ трепетомъ и показывать болѣе благоговѣнія, нежели тѣ чужеземцы, дабы, приступая къ нему просто и невнимательно, не собрать намъ огня на свою голову. Впрочемъ, говорю это не къ тому, что бы мы не приступали, но что бы не приступали недостойно. Ибо какъ опасно приступать безъ разсужденія, такъ и не пріобщаться этой таинственной вечери есть гладъ и смерть. Она есть сила для души нашей, крѣпость.

для сердца, основаніе упованія, надежда, спасеніе, свѣтъ, жизнь. Отошедши туда съ этою жертвою, мы съ великимъ дерзновеніемъ вступимъ въ священныя обители, какъ бы огражденные со всѣхъ сторонъ золотымъ оружіемъ. Но что я говорю о будущемъ? Это таинство и здѣсь дѣлаетъ для тебя землю небомъ. Какъ въ царскихъ чертогахъ всего важнѣе не стѣны и не золотой кровль, а тѣло царя, сидящаго на престолѣ: такъ и на небесахъ — тѣло Царя. Но тоже самое ты можешь видѣть и нынѣ на землѣ, видѣть не ангеловъ, а самого Владыку всего этого. Не правда ли, что ты видишь на землѣ то, что всего важнѣе, не только видишь, но и прикасаешься, не только прикасаешься, но и вкушаешь, и, вкусивъ, отходишь въ домъ свой? Очищай же свою душу, уговоряй сердце къ принятію этихъ тайнъ. Ты принимаешь не сына царя человѣческаго, а самого Единороднаго Сына Божія. И какъ не трепещешь, скажи мнѣ, какъ не оставляешь пристрастія ко всему житейскому, и вмѣсто того, что бы восхищаться одною этою драгоценностью, склонешься къ землѣ, предаешься страсти къ деньгамъ и любви къ золоту. Или ты не знаешь, что Господь твой отвращается отъ всякаго житейскаго великолѣпія? — Потому Онъ и благоволилъ по рожденіи своемъ возлежать въ ясляхъ и избралъ бѣдную Матерь. — Потому Онъ преданному житейскимъ выгодамъ отвѣчалъ: «Сынъ Человѣческой не имать гдѣ главы подклонити» (Мф. 8,20). А что ученики Его? Они искали не знатныхъ домовъ, а добродѣтельныхъ душъ. Будемъ же и мы подражать имъ: станемъ восхищаться не красотою столбовъ и мраморовъ, а стремиться къ горнимъ обителямъ, презирать всякое здѣшнее великолѣпіе и пристрастіе къ матеріальнымъ благамъ и возвышаться мыслями своими горѣ. Ибо, если правильно разсудить, самый міръ этотъ недостойнъ насъ, не толь-

ко что портики и галлерей. Посему увѣщеваю васъ, будемъ украшать свою душу, устроять этотъ домъ, котораго мы не оставимъ и тогда, когда переселимся отсюда, дабы намъ сподобиться благъ вѣч-

ныхъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Иисуса Христа, съ которыми Отцу вмѣстѣ со св. Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Пасха въ Саровѣ

(Окончаніе).

Въ шесть часовъ вечера раздался благовѣстъ ко всенощному бдѣнію. Со славою, въ свѣтло - голубой новой мантии прослѣдовалъ въ церковь при колокольномъ звонѣ митрополитъ. Началась служба по длинному монастырскому чину. Глубокое и радостное волненіе охватило всѣхъ, когда на «Господи возвахъ» пѣвчіе стали повторять на обоихъ клиросахъ слова канонарха, прославляющія препод. отца нашего Серафима и славную обитель Саровскую. «О, преславное чудо, подвижникъ благочестія въ Саровѣ является и молитвенникъ къ Богу теплый Серафимъ пречудный намъ бываетъ: веселися, обитель Саровская, имущи въ себѣ мощи преподобнаго; възграйте, православныхъ множества, предивнаго Серафима имуща въ бѣдахъ заступника, и вопіющихъ къ нему: радуйся, свѣтильниче Россійскія Земли, тѣмы сопротивныхъ далече отрѣвая и Господеву молися даровать душамъ нашимъ миръ и велию милость». Раздававшаяся пѣснопѣнія съ необыкновенною силою и живостью передавали собственные чувства молящихся, и казалось, что они исходили изъ ихъ собственнаго сердца или самими были составлены.

«О, дивное чудо, се бо воистину во обители Саровской благочестія столпъ непоколебимый Серафимъ блаженный является намъ тѣмъ же богомудрыхъ соборы, на высоту духомъ возноситеся, ко преподобному вопіюще: преподобне отче Серафиме, Господеву молися, даровати ду-

шамъ миръ и велию милость». И то, что въ пѣснопѣніяхъ преп. Серафиму постоянно упоминалась Саровская обитель, въ стѣнахъ которой находились молящіяся, придавало этимъ пѣснопѣніямъ особенную наглядность, конкретность и жизненность. «Пріидите, вѣрныхъ собори, похвальными пѣснями днесъ пречуднаго отца прославимъ и сие ему возопимъ: преподобне отче Серафиме, воистину сподобился еси божественныя жизни, пріими отъ Бога вѣнецъ нетлѣнныя славы. Сего ради обитель Саровская тобою хвалится, людіе же, зряще честную раку мощей твоихъ и чудеса бываемая, славятъ прославляющаго тя Господа, ему же молимся, преподобне, даровати душамъ нашимъ миръ и велию милость».

При пѣніи литійныхъ стихиръ духовенство вышло изъ храма, и литія совершалась подъ открытымъ небомъ, среди народа, наполнявшаго дворъ. Пѣвчіе пѣли: «Кіими похвальными вѣнцы вѣнчаемъ подвижника великаго, преподобнаго Серафима: той бо яко наставникъ добрый въ твердости вѣры и добродѣтели явился, богодухновенными ученіи и равноапостольнымъ житіемъ приходящія къ нему научая, тѣмъ же вопіемъ ему: молися, преподобне, Христу Богу православному вѣру утвердити и душамъ нашимъ спастися». «Радуйся днесъ, вся російская земле, и святая обитель Саровская веселися. Вѣрныхъ же множества, стекшеса днесъ, прославимъ препод. отца, пастыря и учителя, бого-

мудраго наставника заблудшимъ, скорого всѣхъ болящихъ цѣлителя, російскія земли великое украшеніе, его же похваляюще сице рцемъ: преподобне Серафиме, спаси насъ молитвами твоими».

Когда запѣли стихиры на стиховнѣ, крестный ходъ двинулся къ церкви преп. Зосимы и Савватія, въ которой преп. Серафимъ обычно причащался св. Таинъ, и для которой онъ, въ благодарность за свое исцѣленіе въ молодости, собственными руками изготовилъ изъ кипариснаго дерева св. престоль. Въ этой церкви въ кипарисномъ гробу находились вынутыя изъ земли останки преп. Серафима. Гробъ былъ поднять руками священнослужителей и членовъ Царской Семьи и съ пѣніемъ церковныхъ пѣснопѣній былъ перенесенъ въ главный храмъ Введенія, гдѣ и поставленъ посреди церкви *). При внесении гроба въ храмъ, все множество народа опустилось на колѣни, держа въ рукахъ зажженные свѣчи. Въ этотъ торжественный моментъ особенное чувство охватило стоявшихъ въ храмѣ. Было такое чувство, будто со вступленіемъ въ храмъ преподобнаго раздвинулись стѣны храма, поднялся самый куполь, храмъ безгранично расширился, и мы были уже не въ храмѣ, а въ какомъ-то необъятномъ

*) Во время перенесенія гроба пѣвчіе пѣли: «Преподобне отче Серафиме, кто исповѣсть труды твоя и болѣзни? Или кій языкъ изречетъ жестокое пустынное твое житіе, бдѣніе же и пощеніе, еще же въ затворѣ пребываніе, устенъ безмолвіе и моленіе непрестанное. Воистину явился еси постникомъ украшеніе, молитвенникъ къ Богу непостыдный; тѣмъ же къ тебѣ вопіемъ: радуйся, иноческаго житія правило, радуйся, въ бѣдахъ и скорбѣхъ великое утѣшеніе и теплый всѣмъ представлю, молися, преподобне, спастися душамъ нашимъ».

небесномъ пространствѣ. Это ощущеніе широкаго простора, охватившее душу, какъ будто уносило ее отъ земли. Передъ благословеніемъ хлѣбовъ, когда въ первый разъ запѣли тропарь преподобному Серафиму, вся церковь снова опустилась на колѣни: «Отъ юности Христа возлюбилъ еси, блаженне, и тому Единому работати пламеннѣ вожделѣвъ, непрестанною молитвою и трудомъ въ пустыни подвизался еси, умиленнымъ же сердцемъ любовь Христову стяжавъ, избранникъ возлюбленъ Божіа Матере явился еси. Сего ради вопіемъ ти: спасай насъ молитвами твоими, Серафиме, преподобне, отче нашъ».

По монастырскому обычаю, въ полумракѣ и глубокой тишинѣ прочитано было шестопсалміе. Въ концѣ каѳизмъ снова ярко освѣтился весь храмъ. На середину храма вышло духовенство. Пѣвчіе пѣли поліелейные стихи. Снова у всѣхъ засіяли въ рукахъ свѣчи. По благословенію митрополита, снята была крышка гроба, и духовенство запѣло: «Ублажаемъ тя, преподобне отче Серафиме, и чтемъ святую память твою, наставниче монаховъ и собесѣдниче ангеловъ». Снова всѣ опустились на колѣни. При многократномъ пѣніи «величанія» митрополитъ совершилъ кажденіе всего храма. И опять необычайное состояніе сообщилось молящимся. Создавалось новое воспріятіе преподобнаго. До послѣдняго дня онъ открывался людямъ преимущественно какъ житель земли, человѣческой стороною своей личности. Онъ былъ близокъ и понятенъ имъ, какъ старецъ, какъ врачеватель грѣховныхъ ранъ, какъ мудрый, добрый, радостный наставникъ и другъ. Была въ немъ и тогда другая сторона, сторона невидимаго и непонятнаго и страшнаго для грѣшнаго человѣка его таинственнаго общенія съ небеснымъ міромъ, гдѣ преимущественно и жила его душа. Но намъ-то, живу-

щимъ на землѣ и грѣшнымъ людямъ, онъ рѣдко, щадя насъ, открывался этою стороною. Онъ открывался ею только избраннымъ.

Сейчасъ же, по своемъ прославленіи, когда мы уже не видимъ его около себя въ тѣлесномъ его видѣ, не слышимъ его голоса, не видимъ его лица, когда онъ перешелъ въ небесный міръ и сталъ собесѣдникомъ ангеловъ, онъ пересталъ быть нашимъ въ прежнемъ своемъ образѣ старцемъ и нашимъ непосредственнымъ руководителемъ, онъ сталъ для насъ, хотя и близкимъ намъ, но уже жителемъ иного міра, созерцателемъ Божіей Славы. Мы знаемъ, что и теперь онъ попрежнему близокъ къ намъ, попрежнему любить насъ и заботится о насъ и молится о насъ, но все-таки онъ близокъ къ намъ уже не земною стороною своего существа, и самъ онъ уже живетъ въ иныхъ кругахъ, въ иныхъ созерцаніяхъ, чѣмъ мы. Переживать такое чувство было одновременно и сладостью, и грустью, но нельзя было не переживать его: оно невольно проникало въ душу.

По прочтеніи Евангелія началось поклоненіе св. мощамъ и лобызаніе ихъ съ помазаніемъ вѣрующихъ освященнымъ елеемъ. Два архіерея стояли по обѣимъ сторонамъ гроба, и вѣрующіе двумя лентами проходили мимо нихъ, прикладываясь къ мощамъ и получая святое помазаніе. Давно уже окончилось всенощное бдѣніе, а богомольцы продолжали наполнять храмъ и непрерывнымъ потокомъ шли поклониться мощамъ преподобнаго. И это продолжалось всю ночь. Иеромонахи смѣняли другъ друга и продолжали помазывать народъ святымъ елеемъ. Въ эту же ночь, въ разныхъ частяхъ лѣса и поля, чтобы дать возможность всѣмъ собравшимся въ Саровѣ помолиться преподобному, всюду совершались торжественныя всенощныя бдѣнія съ величаніемъ и по-

мазаніемъ св. елеемъ при общемъ пѣніи молящихся. Всю ночь продолжалась исповѣдь готовившихся ко св. Причастію.

19 іюля, въ самый день праздника прославленія преподобнаго, совпавшій со днемъ его рожденія, съ шести часовъ утра по всѣмъ храмамъ обители совершались раннія литургіи, за которыми богомольцы причащались св. Таинъ. Лучшіе тогдашніе проповѣдники, о. Александръ Рождественскій, о. Философъ Орнатскій и другіе, говорили проповѣди, изображавшія подвигъ и значеніе преподобнаго для русской церкви и русскаго народа. «Здѣсь мѣсто священное, — говорилъ о. Орнатскій. — Здѣсь все освящено молитвами и слезами преподобнаго. Здѣсь ходили ноженьки его, утружденныя тысяченощнымъ молитвеннымъ стояніемъ на камнѣ».

Въ 9 часовъ утра начался благовѣстъ къ поздней литургіи, которую совершалъ митрополитъ съ другими архипастырями и множествомъ священниковъ. Государь, который причащался за ранней литургіей, прошелъ въ церковь боковыми дверями незамѣтно въ толпѣ народа. Св. мощи преподобнаго стояли уже не посреди храма, а на приготовленномъ для нихъ постоянномъ мѣстѣ, съ правой стороны, между столбами. По окончаніи литургіи былъ отслуженъ общій молебень преподобному, и вновь началось непрерывное поклоненіе угоднику и непрерывное служеніе молебновъ до поздняго вчера. Въ народѣ говорили о совершенныхъ чудесахъ и особенно объ исцѣленіи семилѣтняго мальчика.

Со слѣдующаго дня Саровская обитель стала пустѣть. По всѣмъ направленіямъ расходились и разѣзжались тысячи поклонниковъ, разнося по всѣмъ концамъ Россіи пережитыя ими незабвенныя впечатлѣнія. И вотъ уже тридцать лѣтъ прошло со дня открытія св. мощей преподобнаго Серафима, много было пережито за

это время страшных и потрясающих событий, а память о «свѣтломъ праздникѣ» въ Саровѣ, объ этой радостной «Пасхѣ» среди лѣта, объ этомъ всенародномъ прославленіи дивнаго старца и молитвенника преподобнаго Серафима, не перестаетъ ярко сіять въ сердцахъ участниковъ этого торжества и наполнять ихъ души тихою и свѣтлою радостью. И нельзя выбросить изъ памяти и сердца того непобѣдимаго сознанія, что былъ въ жизни русскаго народа моментъ, когда весь народъ сумѣлъ объединиться въ одномъ сильномъ и глубоко чувствѣ благоговѣйнаго стоянія у гроба угодника Божія, вышедшаго изъ нѣдръ того же народа, и воплотившаго въ своемъ образѣ и въ своей жизни самую глубокія, самую сокровенныя, самую дорогія и святыя чувства и стремленія этого народа. Не въ этотъ ли святой моментъ обнаружилась истинная сущность русской души? Ибо этотъ моментъ не былъ созданъ дѣйствіемъ какого-либо насилія, не явился результатомъ чьей-либо пропаганды, онъ былъ выношенъ въ душѣ народа всею его тысячелѣтнею исторіею, и вылился изъ нея самъ собой, какъ непосредственное и невольное проявленіе ея глубочайшаго содержанія.

И если русская православная церковь и русскій народъ могли вырастить въ своихъ нѣдрахъ сто лѣтъ тому назадъ такой дивный плодъ духа, какимъ явился преподобный Серафимъ, то какъ мы можемъ сомнѣваться въ духовной силѣ русскаго народа и русской православной Церкви? Несомнѣнно, наступить день, о которомъ предсказалъ препод. Серафимъ, день, когда русская земля преодолѣетъ овладѣвшій

ею сейчасъ кошмаръ безбожія и снова единымъ сердцемъ и едиными устами прославить имя Божіе и имя великаго угодника Божія преп. Серафима, который такъ же явится ея духовнымъ возродителемъ, какимъ шестьсотъ лѣтъ тому назадъ былъ преподобный Сергій Радонежскій. И какъ тогда русская земля, духовно возрождаясь и укрѣпляясь подъ вліяніемъ молитвъ и подвиговъ преп. Сергія, смогла преодолѣть внѣшнее иго татарщины, такъ теперь новая Россія, духовно очищаясь въ неопредѣлимыхъ страданіяхъ, объединившись около святой памяти преп. Серафима, какъ около своего молитвенника и духовнаго центра, преодолѣетъ внутренняго врага — безбожіе. Во всѣхъ начальныхъ моментахъ своей исторической жизни русскій народъ получалъ свое религиозное вдохновеніе отъ своихъ великихъ подвижниковъ: древняя, дотатарская Русь вдохновлялась подвижниками Кіево-Печерскаго монастыря; Русь московская вдохновлялась подвигами преп. Сергія и его учениковъ и современниковъ; новая Русь, Русь грядущая, не будетъ ли получать своего вдохновенія отъ великаго преемника преп. Сергія — нашего современника — убогаго Серафима, дивно объединяющаго около себя всѣ классы, всѣ группы русскаго народа?

Помолимся же всѣ ему и скажемъ: Моли Бога о насъ, преподобне отче нашъ, и помоги намъ, святыми твоими молитвами и заступленіемъ сохранить въ сердцахъ нашихъ непоколебимую чистоту и правду нашей святой вѣры и надежду на грядущее воскресеніе нашего народа».

Прот. С. Четвериковъ.

Святая земля

СУДНЫЕ ВРАТА. («РАСКОПКИ») «Осудили, убили праведника».

Возлѣ Храма Гроба Господня и Голгофы — бывшаго Лобнаго Мѣста — раскопки обнаружили часть стѣны Иерусалимской и воротъ называемыхъ Судными, черезъ которые Спаситель шествовалъ на вольное страданіе. Сохранилась арка между двумя колоннами, нѣсколько потертыхъ плитъ, по которымъ, должно быть, ступалъ Спаситель, и порогъ, на которомъ Онъ остановился, можетъ-быть, въ послѣдній разъ: при выходѣ за городскія стѣны, у Судныхъ Вратъ, читали приговоры осужденнымъ на смерть. Весь этотъ удивительный осколокъ древняго города находится значительно глубже уровня современныхъ улицъ, и заключенъ въ обширное подземное зданіе со сводами, напоминающими простую, строгую базилику. Распятіе, передъ которымъ неугасимая лампада, большое, во всю стѣну, изображеніе Спасителя, несущаго Свой крестъ — вотъ все, что рѣшились прибавить люди къ краснорѣчивому молчанію этихъ стѣнъ.

Въ ночь подъ Воздвиженіе Креста Господня, въ ожиданіи богослуженія въ Воскресенскомъ Храмѣ, въ глубокомъ уединеніи провела я здѣсь нѣсколько часовъ. Сверху изъ города доносилось бушеваніе праздничной толпы, восточное пѣніе. Въ эту ночь абиссинцы исполняютъ на кровлѣ Храма священные танцы. Я видѣла ихъ проходя по улицамъ, въ нарядныхъ костюмахъ, напоминающихъ ряженныхъ на маскарадѣ. Видѣла многихъ матросовъ, бродящихъ по городу, въ ожиданіи зрѣлища. Невольно думалось, что можетъ быть подобная картина представилась глазамъ Маріи Египетской, когда она спустилась съ корабля, прибывшаго изъ

Александрии къ празднику Воздвиженія Честнаго Древа... Постепенно умолкъ шумъ, городъ замеръ, опустѣла площадь передъ Храмомъ Воскресенія Христова: началось бдѣніе у Господня Гроба...

Въ праздничные дни, по окончаніи богослуженія, народъ ожидаетъ на площади выхода духовенства. Раздается удивительный святогробскій звонъ мѣдно-серебряныхъ колоколовъ: владыки, іереи, діаконы, смѣнивъ богатыя малиновыя и зеленныя облаченія на строгія черныя рясы — попарно выходятъ изъ Храма и направляются къ Патріархіи... Каждый день въ часъ пополудни святогробская братія слѣдуетъ по узкимъ улицамъ Иерусалима на стражу ко Гробу. Всегда есть что-то торжественное и траурное въ этомъ шествіи. Вспоминается крестный путь Самого Спасителя, тотъ же контрастъ: улица, рынокъ, городъ со своей повседневной жизнью, люди съ ихъ житейскими заботами — и среди нихъ Христосъ, за нихъ распятый.

НОЧЬ У ГРОБА ГОСПОДНЯ

Поздно вечеромъ собираются нѣсколько Елеонскихъ сестеръ съ фонарями у воротъ монастыря и медленно, по каменистымъ дорогамъ, спускаются въ Иерусалимъ, къ Господню Гробу. Идутъ молча — такъ проникновенно тиха ночь, такъ далеко уносятся мысли отъ всего мірскаго. Приходятъ задолго до Божественной Литургіи. Въ этотъ часъ можно въ уединеніи побыть у Гроба, припасть надолго къ Трепетной Голгофѣ, спуститься въ подземелье Храма, къ мѣсту Обрѣтенія Креста Господня царицею Еленой. Въ полумракѣ съ благоговѣніемъ обходятъ Святые вокругъ Кувукліи: древнія гробницы вертограда, гдѣ покоились тѣла Іосифа Аримафейскаго и праведнаго Никодима,

притворъ Адама, подъ Голгоѳой, гдѣ хранятся мощи множества святыхъ, «ча-стно узы», придѣль «терноваго вѣнца», мѣсто стоянія у Креста Скорбящей Богоматери, Камень Миропомазанія, гдѣ тѣло Господа, по снятіи съ Креста, обвито было плащаницею, мѣсто явленія Маріи Магдалины, когда Господь, по Воскресеніи Своемъ, сказалъ: «не прикасайся Миѣ». Отраднo погрузить въ нѣмую ночь Страстей Христовыхъ — скорби сердца. Душа безмолвствуетъ, умъ нѣмоствуетъ... Ударъ въ «било». Монахи, одинъ за другимъ, выходятъ изъ мрачныхъ келлій подъ каменными сводами — туда никогда не проникаетъ солнце. Зажигаютъ множество лампадъ. Послѣ утрени въ Каѳоликонѣ — Соборномъ Храмѣ Воскресенія — Божественная Литургія у Гроба, «изъ него — же Жизнь возсія». Поютъ на двухъ клиросахъ русскія монахини и хоръ Святогробскаго Братства. Остается въ памяти суровый обликъ Владыки. Н., торжественный и печальный, и мягкое, задушевное слово, обращенное къ сердцу народа русскаго, къ этимъ скорбнымъ изгнаницамъ, утѣшеннымъ у Гроба Живоноснаго духовной трапезой. Снова выходимъ въ темную ночь, безмолвно поднимаемъ на Елеонъ. Этимъ путемъ Господь восходилъ помолиться на гору. Недалеко отъ Геосиманскаго сада — глубокая пещера-катакомба, гдѣ Гробница Божьей Матери. Спускаемся туда на нѣсколько минутъ. Уже свѣтаетъ. Застаемъ на Елеонѣ приготовленія къ обѣднѣ. Звонарка подымается на колокольню. Подъ звонъ, со-зывающій къ молитвѣ — ложимся немно-го отдохнуть.

ФАРАНСКАЯ ЛАВРА ИЛИ ХАРИТОНОВА ПУСТЫНЬ

Древнѣйшая палестинская лавра осно-вана въ IV-мъ вѣкѣ преп. Харитоніемъ, въ горномъ ущельи въ верховьяхъ пото-ка Фаре. Высокіе утесы, неприступныя

скалы, глубоко внизу живописное русло потока, а тамъ, вверху, на фонѣ неба, от-верстія пещеръ, орлиныя убѣжища под-вижниковъ минувшихъ дней. По обѣимъ сторонамъ потока горы испещрены вхо-дами въ кельи, частью природныя, частью искусственно-высѣченныя въ скалѣ. Какая красота, захватывающая духъ. Какая близость къ небесамъ, какая радость при воспоминаніи о житіи подвижниковъ, вос-парившихъ мыслями къ Богу. Великолѣп-но, дерзновенно повисла надъ землей от-вѣсная скала, гдѣ жилъ самъ преп. Ха-ритоній. Туда взбирались прежде по ве-ревкамъ, а теперь крутая лѣстница при-ставлена къ утесу. — Внутри ска-лы — сокрытая отъ глазъ лю-дей пещера, служившая первоначально убѣжищемъ разбойниковъ. Изъ проруб-ленныхъ въ камнѣ оконъ видна ведущая въ Иерусалимъ дорога, по которой шелъ преподобный, когда напали на него зло-дѣи и увлекли въ вертепъ. Святой осво-бодился чудеснымъ образомъ: разбойни-ки умерли, напившись вина, отравленнаго змѣинымъ ядомъ. Преп. Харитоній остал-ся въ пещерѣ одинъ служить Богу и впо-слѣдствіи устроилъ въ ней церковь для братіи. Объ инокахъ Фаранской лавры мы читаемъ, что большинство были мужами-богоносцами, съ явной печатью Св. Ду-ха. Среди сонма духовныхъ чадъ препо-добнаго были: великій Евфимій, основа-тель многихъ лавръ, при которомъ пусты-ня «процвѣла, яко кринъ», преп. Кириакъ, игумень лавры — Григорій, ставшій впо-слѣдствіи Антиохійскимъ патриархомъ, Ко-сма Евнухъ, Авва Павелъ, Авксанонъ, Феодоръ, Теофанъ и другіе безмолвники и постники, о коихъ повѣствуется въ «Ду-ховномъ Лугѣ».

Слѣды Фаранской Лавры розысканы впервые членами Русской Духовной Мис-сіи въ 1856 году. Мѣстность пріобрѣтена Аѳонскими монахами Крестовоздвижен-ской Обители. Двѣ-три убогія лачужки

пріютились къ подножью горъ. Живетъ тамъ русскій инокъ на стражѣ церкви, устроенной въ пещерѣ, послужившей нѣкогда началомъ лавры. Разъ въ годъ въ день памяти преп. Харитонія 28 сент. пустынь оживаетъ: приходятъ паломники провести нѣсколько дней вдали отъ міра. Встаютъ до солнца, съ легкостью вы-стаиваютъ долгія богослуженія по уставу скитовъ, осматриваютъ мѣстность, нахо-дятъ устья пещеръ, слѣды водохрани-лищъ, древнихъ стѣнъ, куски цвѣтной мозаики, ступени, высѣченныя въ скалѣ. На днѣ сухого потока собираютъ души-стыя травы, дикую мяту, тростникъ. Но-чуютъ подъ сводами пещеры, гдѣ жилъ Харитоній, или подъ звѣзднымъ небомъ. Потомъ снова надѣваютъ котомки, въ по-слѣдній разъ покоть тропарь Преподобно-

му и одинъ за другимъ исчезаютъ въ го-рахъ. Русскій инокъ провожаетъ гостей звономъ въ единственный колоколь своей обители. Долго онъ звонитъ... Одинока его фигура на фонѣ горъ, звуки разно-сятся далеко по ущельямъ. Грустно раз-ставаться съ древней лаврой, гдѣ такъ жи-вы воспоминанія о прошломъ. Необыкно-венно легкій горный воздухъ, поражаю-щее величіе природы, свѣжесть дикаго потока, проникновенная тишина ночей, красота небеснаго свода съ крупными звѣздами — все это проливаетъ новый свѣтъ на жизнь подвижниковъ суровой лавры, роднитъ съ ихъ духомъ. И забы-ваешь, что вѣка насъ оторвали навсегда отъ жизни духоносныхъ предковъ.

Ин... Ек...

Искусство безъ религіи

(Конспективная запись доклада В. В. Вейдле на сѣздѣ «Лиги Православной Культуры» 21-22 января 1933 г.).

Искусство безъ религіи — это искус-ство нашихъ дней. При самомъ поверхно-стномъ знакомствѣ съ современнымъ ис-кусствомъ, можно сказать, что оно на-ходится въ состояніи кризиса. Могутъ возразить, что въ состояніи кризиса ис-кусство находится давно — съ конца 18 вѣка. Это вѣрно, но въ наши дни кризисъ принялъ настолько острыя формы, что еще и недавнія времена, по сравненію съ нашими, кажутся безкризисными, здоро-выми. Суть современнаго кризиса въ томъ, что изъ искусства все болѣе вы-ѣтривается его сверхразсудочная сущ-ность, что оно подвергается все растуше-му разсудочному разложенію.

Процессъ этотъ въ разныхъ формахъ искусства сказывается различно. Ар х и-те к т о р ъ и м у з ы к а находятся въ любопытной связи. Онѣ и сходны и про-

тивоположны. Архитектура связана съ утилитарными цѣлями, музыка изъ всѣхъ родовъ искусства, быть можетъ, наиболѣе свободна отъ утилитарныхъ цѣлей — въ этомъ ихъ различіи. Но обѣ онѣ не изо-бражаютъ, а только выражаютъ, — въ этомъ ихъ сходство. Ихъ взаимоотноше-ніе интересно и потому, что онѣ нахо-дятся на противоположныхъ концахъ исто-рическаго развитія. Въ христіанскомъ культурномъ циклѣ первой развилась ар-хитектура, послѣдней — музыка. Архитектура находится въ упадкѣ съ конца 18 вѣка; музыка еще недавно пережила время своего величайшаго расцвѣта и со-всѣмъ на нашихъ глазахъ, почти внезап-но, оказалась въ состояніи остраго кри-зиса.

Кризисъ въ архитектурѣ сказался въ утратѣ стиля. До конца 18 вѣка архитек-

тура была стилистически цѣлостна, и отъ нея зависѣлъ стиль декоративныхъ искусствъ. Съ этого времени исчезаетъ стиль и приходится прибѣгать къ суррогату стиля — стилизаціи. Въ 19 вѣкѣ поочереди возвращаются къ исторически существовавшимъ стилямъ: подражаютъ готикѣ, Возрожденію, барокко, 18 вѣку. Получается разсудочное сочетаніе элементовъ того или иного стиля безъ истинной души его. На слѣдующей стадіи развивающагося кризиса пришли къ отказу отъ стилизаціи. Въ наше время переходятъ къ чистому утилитаризму, къ наибольше цѣлесообразному осуществленію практическихъ задачъ: архитектура должна перестать быть искусствомъ, стать чистой техникой. Это болѣе честно — пожалуй, — но это все же откровенная капитуляція архитектуры, какъ искусства.

Въ музыкѣ обѣ стадіи — стилизація и отказъ отъ всякаго стиля, — переживались одновременно: кризисъ въ музыкѣ протекалъ быстрѣе, чѣмъ въ архитектурѣ. Она, какъ искусство, перестала выражать человѣка, превратилась въ игру отвлеченными схемами. Сверхразсудочная душа музыки — мелодія, — была утрачена. Ее замѣнили тѣми или иными приѣмами музыкальной техники или же стилизаціей, заимствованіемъ готовыхъ мелодій. Стравинскій началъ со стилизаціи въ русскомъ народномъ духѣ, перешелъ затѣмъ къ чисто разсудочнымъ отвлеченнымъ конструкціямъ, а отъ нихъ — снова вернулся къ стилизаціи, но уже на основѣ классической музыки Западной Европы. Стравинскій въ силу огромнаго своего таланта всего ярче свидѣтельствуетъ о томъ, что происходитъ въ современной музыкѣ. Этотъ процессъ аналогиченъ происшедшему въ архитектурѣ, но въ архитектурѣ онъ развертывался 150 лѣтъ, въ музыкѣ на это понадобилось всего 2-3 десятилѣтія.

Ж и в о п и с ь и с к у л ь п т у р а з а

послѣдніе сто лѣтъ жили безъ архитектуры. Вотъ почему 19 вѣкъ не знаетъ монументальной живописи. Художники, пытавшіеся посвятить себя ей, терпѣли неудачу. Скульптура оказалась оторванной отъ зданія, живопись отъ стѣны. Живопись и скульптура жили въ 19 вѣкѣ полною жизнью лишь постольку, поскольку сохранили въ себѣ остатки цѣлостнаго стиля, входящаго къ эпохѣ барокко. Но различіе съ прежними вѣками европейской живописи все-же велико. Въ картинахъ 19 вѣка все написано, такъ сказать, «кончиками пальцевъ», картина создана не всѣмъ существомъ художника, а какъ бы лишь самыми тонкими шупальцами его нервной системы. Таковы живописцы 19 вѣка, если сравнить ихъ съ тѣми, кто въ прошломъ наиболѣе похожъ на нихъ. Делакруа ищетъ опоры въ Рубенсѣ, но онъ не достигаетъ никогда тѣлесно-душевной напряженности, насыщенности Рубенса; мастерство его болѣе интеллектуально. Ванъ-Гогъ неоднократно воспроизводилъ композиціи Рембрандта, давалъ, такъ сказать, вольный ихъ переводъ. Но у Рембрандта картина — плоть его плоти, душа его души; у Ванъ-Гога она — лишь результатъ какого то нервнаго пароксизма. Импрессионизмъ 19 вѣка имѣлъ двойную природу. Съ одной стороны онъ продолжалъ нѣкоторые элементы стиля барокко; онъ имѣлъ предшественниками Веласкеса, Хальса. Другая его сторона выясняется изъ сопоставленія съ предшествовавшимъ ему реализмомъ. Что такое реализмъ? Это выраженіе въ живописи того, что въ философіи называется наивнымъ реализмомъ т. е. мирозерцанія исходящаго изъ увѣренности въ полномъ и прямомъ соотвѣтствіи нашихъ представленій о мірѣ съ объективной дѣйствительностью, съ сущностью міра. Импрессионистъ же хочетъ передать уже не сущность міра, а только свое представленіе о немъ. Послѣдовательно развиваясь импрес-

сіонизмъ приводитъ къ солипсизму, — «я одинъ есмь» («solus ipse sum») Импрессионизмъ и солипсизмъ сказались не только въ живописи. Прустъ въ литературѣ солипсизтъ, — для него нѣтъ иной реальности, кромѣ своего я и его представленія о мірѣ. Весьма ясенъ переходъ отъ импрессионизма къ послѣдующему теченію — кубизму. Если міръ — только мое представленіе, то интересенъ не міръ, а именно это мое представленіе и еще тотъ способъ, какимъ я изъ него дѣлаю искусство. Кубистъ только демонстрируетъ какъ пишутся картины, ему уже не интересно ихъ писать. Элементы художественной техники преподносятся въ голомъ видѣ: «вотъ что нужно сдѣлать, чтобы получилось произведеніе искусства». Но до самого творческаго акта дѣло такъ и не доходитъ. Кубистическій формализмъ вызвалъ (особенно въ Германіи) реакцію экспрессионизма, ведущую къ отказу отъ формы вообще. Но отказъ отъ формы, какъ и отказъ отъ содержанія, есть отказъ отъ самого искусства.

Нужно еще отмѣтить, что у живописи въ настоящее время есть очень серьезный соперникъ — фотографія. Еще въ началѣ XX вѣка никто серьезно не смотрѣлъ на фотографію, какъ на соперницу живописи. Въ фотографіи видѣли простую копію дѣйствительности, а копія не можетъ соперничать съ живописью, съ преображеніемъ дѣйствительности. Но фотографія доказала, что она можетъ измѣнять дѣйствительность путемъ «монтажа», путемъ неожиданной установки объектива и т. д. Фотографія не только механически воспроизводитъ, но и механически измѣняетъ міръ. Опасность для искусства именно въ томъ, что этимъ механическимъ измѣненіемъ дѣйствительности, отмѣняется суть живописи, т. е. творческое сверхразсудочное преображеніе природы.

Л и т е р а т у р а становится столь же бездушна, столь же разсудочна, какъ и

другіе искусства. Литература призвана изображать міръ или выражать человѣка. У искусства вообще только и существуютъ эти двѣ задачи: выражать человѣка и изображать, преобразая, міръ. Современное искусство не можетъ или не хочетъ ни того ни другого. Это происходитъ и въ литературѣ, и сказывается прежде всего въ ущербѣ вымысла. Оскудѣніе вымысла и интереса къ нему оборачивается оскудѣніемъ интереса къ роману. Романъ замѣняется всевозможными «человѣческими документами» и «кусками жизни», на примѣръ, біографіей, гдѣ вымысла нѣтъ, или во всякомъ случаѣ ограничена его возможность. Но и сама біографія все чаще замѣняется «монтажемъ», т. е. мозаикой изъ документальныхъ данныхъ, касающихся опредѣленнаго лица. Здѣсь уже не остается мѣста не только для вымысла, но и вообще для творчества.

Въ самомъ романѣ вымыселъ постепенно отступаетъ на второй планъ. У Пруста, на примѣръ, онъ сведенъ къ минимуму. Книжки Пруста — полувымышленные мемуары, въ которыхъ бытіе самаго рассказчика во много разъ интенсивнѣе бытія всѣхъ его дѣйствующихъ лицъ. Знаменитый «Улиссъ» Джойса описываетъ обычный день обычнаго человѣка, который встаетъ, одѣвается, бреется и т. д. Чтобы дать этому описанію форму, Джойсъ прибѣгаетъ къ сложному, искусственному приѣму: символически связываетъ содержаніе каждой главы съ однимъ изъ органовъ человѣческаго тѣла и съ одной изъ пѣсенъ Одиссея.

Съ исчезновеніемъ вымысла связано тѣсно и другое характерное для современнаго романа явленіе, — человѣкъ механизируется въ романѣ все больше и больше, становится маріонеткой въ рукахъ автора. Въ романѣ 19-го вѣка герой былъ цѣлостнымъ созданіемъ, живымъ лицомъ. Авторъ романа, какъ самъ Творецъ, создавъ человѣка, давалъ ему

свободу. Недаромъ, послѣ прочтенія романа часто забывалась фабула, но образъ героя оставался въ памяти и жилъ самостоятельной жизнью. У Пруста, наоборотъ, всѣ герои, такъ сказать, «приклеены» къ страницамъ книги, они изумительно показаны, но они показаны лишь, какъ представленія, какъ мѣняющіяся переживания рассказчика.

Въ области театра очень характерно въ этомъ отношеніи творчество Пираделло. Въ его произведеніяхъ все время чувствуется, что онъ, какъ бы говоритъ о каждомъ персонажѣ — «это моя работа, это мой покорный матеріалъ». Піеса «Шесть персонажей въ поискахъ автора» съ особою убѣдительною силой выражаетъ это ощущеніе неограниченной власти автора надъ персонажами его произведеній, благодаря которой они не могутъ воплотиться до конца, именно потому, что онъ воленъ сдѣлать съ ними все, что ему угодно. Полная противоположность недавнему прошлому когда, напримѣръ, Толстой ясно сознавалъ, что его герои живутъ своей самостоятельной жизнью, надъ которой онъ до конца не властенъ. Онъ не можетъ иначе распорядиться жизнью Андрея Болконскаго, чѣмъ этого требуетъ внутренняя закономерность жизненной судьбы князя Андрея.

Вліяніе фрейдіанства вноситъ послѣднюю степень механизации въ литературу, подчиняя даже и подсознательную жизнь голому механическому детерминизму...

Наконецъ, еще въ одной области сказано о разсудочномъ разложеніи, — въ самомъ языкѣ художественныхъ произведеній. Бросается въ глаза фактъ, который можно назвать сумерками стиха. Стихъ отстываетъ передъ прозой. Ритмическій строй языка во всѣхъ литературахъ оказался стертъ. Всѣ размѣры, всѣ ритмы кажутся использованными. Стихотворная техника становится столь же самодовлѣющей и внутренне пустой, какъ техника

живописи и музыки. Растущая разсудочность разрушаетъ конкретность языка. Языкъ имѣетъ двѣ функціи — одну обыкновенную, — когда надо передать извѣстное практическое, разсудочное содержаніе, другую — художественную. Обыденная функція языка можетъ быть осуществлена въ крайнемъ случаѣ при помощи эсперанто. Это немисливо при художественной функціи языка. Здѣсь форма слова и его содержаніе, звуковая оболочка и смыслъ связаны настолько тѣсно и жизненно, что являются, какъ бы единымъ, разсудочно не разложимымъ сгусткомъ. Въ поэзіи слово неизмѣнно берется въ этой его конкретной цѣльности, внѣ ея — поэтическое произведеніе не осуществимо. Поэзія и въ наше время пытается возстановить эту утраченную цѣльность, но и самые методы возстановленія этой цѣльности проникнуты разсудочностью. Получается, какъ у Малларме и Валери, своеобразныя поэтическія теоремы, въ основѣ которыхъ лежитъ нѣкая высшая математика, призванная замѣнить сверхразсудочную поэтическую сущность.

Такова болѣзнь современнаго искусства, названная мною разсудочнымъ разложениемъ. Ее давно ощущаютъ художники и, стремясь вырваться изъ тупика, впадаютъ чаще всего въ чистый ирраціонализмъ.

Разсудочное разложеніе міра легко приводитъ къ освобожденію вполне ирраціональныхъ силъ, безвѣріе — къ суевѣрію. Такъ современный техницизмъ уживается съ фетишизмомъ, поклоненіе автомобилю съ вѣрою въ «маскотты», спасающія отъ автомобильныхъ катастрофъ. Ирраціонализмъ — понятіе чисто отрицательное. Для того, чтобы стать положительнымъ, оно нуждается въ собственной, особой логикѣ, а ее способна ему дать только религія. Лишь въ религіи спа-

сеніе искусства отъ разсудочности, какъ и отъ безумія.

Искусство могло существовать безъ **видимой** связи съ религіей, долги вѣка, Но невидимая связь продолжалась. Художникъ — Шекспиръ, Гете, Пушкинъ — жилъ въ мірѣ уже не чисто религіозномъ (каковъ міръ Данте), но все еще въ человеческомъ, управляемомъ совѣстью мірѣ, не въ мірѣ, власть надъ которымъ принадлежитъ одной таблицѣ умноженія. Художникъ, пусть и невѣрующій уже, въ своемъ искусствѣ все же творилъ таинство, послѣднее оправданіе котораго религіозно. Таинство можетъ совершаться и грѣшными руками, но современный художникъ просто **отка з ы в а е т с я**

Трагедія безотвѣтной молитвы

Посвящается Т. Степановой.

«Кому повѣмъ печаль мою,
кого призову ко рыданію...»

Стихъ о Юсифѣ Прекрасномъ.

Мнѣ не разъ задавали вопросъ о сущности молитвы, ибо шаблонныя общепринятія сужденія на этотъ счетъ не удовлетворяютъ. Не могутъ удовлетворить и противоположные по типу и стилю отвѣты позитивистическаго научничества вродѣ напримѣръ новѣйшаго Mauss'a съ его превосходными, впрочемъ, работами, касающимися этого вопроса. Громоздкій, но односторонній трудъ Heiler'a «Das Gebet» (молитва) и превосходная во всѣхъ отношеніяхъ книга Rudolf Otto «Das Heilige» (святое) все же идутъ мимо чего то весьма существеннаго въ молитвѣ.

Самъ фактъ молитвы въ ея высшемъ типѣ — молитвѣ христіанской — въ высокой степени парадоксаленъ. Образъ Божій зываетъ къ своему прототипу, къ своему перво-образу. И особенно эта па-

с о в е р ш и т ь т а и н с т в о, замѣняя его отвлеченной выкладкой и разсудочнымъ экспериментомъ. Художникъ можетъ не быть религіознымъ человѣкомъ, но онъ не можетъ творить въ мірѣ, до конца оторвавшимся отъ религіи.

Художникъ и безъ религіи не перестанетъ быть художникомъ; но искусство безъ религіи перестанетъ быть искусствомъ. Обращеніе художника спасетъ его, какъ человѣка, но ни искусства вообще, ни даже его искусства оно еще не спасетъ. Для спасенія искусства нужно, чтобы разсудочно разлагаемый міръ современной культуры былъ заново построенъ, заново преобразенъ религіей. Иного спасенія для него нѣтъ.

родоксальность обостряется въ молитвѣ Самого Бого-Челвѣка, научившаго насъ молиться и пославшаго духъ молитвы въ наши сердца. Въ этомъ парадоксѣ чувствуется нѣчто глубоко трогательное и прекрасное. Очевидно молитва существенно связана съ высшимъ типомъ духовной жизни, если апостоль Павелъ говоритъ: «Самъ Богъ послалъ въ сердца наши духа вопіющаго, — авва Отче». Но въ то же время высшій типъ духовной жизни связанъ съ любовью, ибо «Богъ есть любовь». Въ силу сказаннаго молитву и любовь придется, если и не отождествить, то поставить, во всякомъ случаѣ, въ самую тѣсную связь по существу. Можно сказать что молитва есть званіе духомъ любви или излученіе духа любви къ тому, кто есть ея цѣль или объектъ. Но такъ какъ любовь есть самоцѣль — нелѣпо и нечестиво спрашивать, напримѣръ, — съ какой цѣлью любятъ Бога, — то и въ молитвѣ, въ ее сокровенномъ существѣ

есть самоцѣль. Еще лучше будетъ сказать, что въ молитвѣ есть устремленность черезъ мольбу къ самоцѣли — любви. Надо вообще различать мольбу и молитву. Ихъ часто смѣшиваютъ. Мольба можетъ быть направлена на какіе угодно высокія и низкія цѣли и имѣть даже плоско-утилитарный характеръ. Весьма возможна и естественна, напримѣръ, мольба о деньгахъ, молитва о деньгахъ нелѣпа и смѣшна, ибо это почти то же, что молитва деньгамъ. Въ молитвѣ, конечно, есть элементъ мольбы, т. е. цѣлеустремленности къ тому, что есть цѣнность, и что въ тоже время не зависитъ отъ насъ. Но элементъ мольбы въ молитвѣ, въ особенности въ ея высшихъ типахъ, напримѣръ, въ молитвѣ Иисусовой, почти отсутствуетъ. Высшій типъ молитвы, конечно, есть постоянное имѣніе въ сердцѣ и на устахъ того, что любишь. Это и есть имяславіе въ его сокровенной сущности.

Въ молитвѣ содержится та же трагедія, что и въ религіи. Да и религія безъ молитвы, какъ основы культа, совершенно немислима. Это понимали даже такіе позитивисты, какъ Вильгельмъ Вундтъ. Но трагедія религіи высшаго типа, заключается въ томъ, что объектъ религіи Богъ и субъектъ ея человѣкъ, оказались разлученными и раздѣленными. Въ раю ни молитвы, ни религіи не было, но была лишь радость непрерывнаго общенія съ любимымъ. Лишь по утратѣ рая и послѣ страшной катастрофы перваго человѣкоубійца «стали призывать имя Господа» (Быт. 4,26). Грѣхопаденіе сдѣлало Бога трансцендентнымъ человѣку, а изгнаніе изъ рая означило — сумерки, спустившіеся на человѣчество, его помраченіе.—Одновременно съ проклятіемъ земли и природы и началомъ борьбы за существованіе, въ холодѣ, голодѣ и тоскѣ сердечной, начало человѣчество свое трагическое шествіе по путямъ міровой исторіи, томимое ужасомъ времени и перспективой безко-

нечнаго пути безъ цѣли въ вѣчной разлукѣ съ самымъ дорогимъ и цѣннымъ. Временами эти сумерки сгущаются въ адскую тьму. «Лятый ангелъ вылилъ свою чашу на престолъ звѣря и сдѣлалось царство его мрачно, и они кусали языки свои отъ страданія». (Отк. 16,10). Но христіане вѣрятъ, что Слово Божіе «не потерпѣло видѣть, какъ дьяволъ мучить родъ человѣческой»*). Слово Божіе сошло во плоти на землю и прежде всего раздѣлило горькую участь тяжкаго пути виѣ рая. Этотъ трагическій образъ символизируется священникомъ, читающимъ виѣ алтаря свѣтильничныя молитвы, (на вечернѣ) и утреннія (на шестопсалміи). Богъ, ставъ человѣкомъ, прежде всего обратилъ помыслы и уста отчаявшихся къ молитвѣ. И, быть можетъ, изъ всѣхъ подвиговъ Иисуса Христа самымъ тяжкимъ былъ трудъ молитвенный, ибо за всю косную духомъ массу человѣчества надо было взывать къ далекому востоку, обложенному грозowymi тучами, и гдѣ уже готовилось мѣсто для троекрестія Голгофы, — какъ бы страшнаго отвѣта на мольбу «Да минетъ Меня чаша сія».

Иисусъ Христосъ не взялъ грѣха отчаянія, но послѣдствія отчаянія понесъ въ полной мѣрѣ и слилъ свой вопль о безысходности съ воплемъ всего человѣчества, среди котораго многіе даже разучились видѣть весь ужасъ своего положенія. Весь текстъ 87 псалма, («Господи Боже спасенія моего, во дни воззвахъ и въ нощи предъ Тобою») читаемаго при погашенныхъ свѣтильникахъ, словно сотканъ изъ жгучихъ болѣе полной безысходности. Образъ молящагося Сына Божія, оставленнаго Отцомъ, покинутаго друзьями и убиваемаго врагами, словно учитъ насъ тому, какъ надо молиться въ минуты, когда со всею очевидностью пред-

*) Изъ молитвы Великаго водоосвященія.

стоитъ передъ нами безвыходность нашего положенія.

Трагедія, однако, этимъ не снимается. Есть ужасъ безотвѣтной молитвы и молчащаго неба. Если мы будемъ мыслить Бога теистически, — въ видѣ надмірнаго деспота, или же пантеистически, — сливая его съ міромъ, (что въ сущности одно и тоже: противоположности сходятся), то насъ со всею силою придавливаетъ ужасъ беспощаднаго и глухого рока*). Безсмысленность такой міробожнической (пантеистической) молитвы и вообще безнадежное чувство ненужности молитвы со страшной силой выразилъ Тютчевъ. Обращаясь къ обожаемой имъ природѣ, онъ говоритъ:

И чувства нѣтъ въ твоихъ очахъ
И правды нѣтъ въ твоихъ рѣчахъ,
И нѣтъ души въ тебѣ.
Мужайся, сердце, до конца
И нѣтъ въ твореніи Творца,
И смысла нѣтъ въ мольбѣ.

Но такова, не только неизбежная участь теистически пантеистическихъ т. е. антисофійныхъ и асофійныхъ установокъ, но и вообще всякаго черезмѣрнаго обожанія твари, и вообще всего того, что именуется «любленіемъ твари паче Бога». Ибо отъ клеветника искусителя тварь переняла и змѣиную хитрость измѣны и холодъ безлюбобнаго вождельнія, угашающаго огонь молитвы.

Предѣлъ отчаянія — это полное ожесточеніе уже съ нежеланіемъ спастись. Въ этомъ чувствѣ при его анализѣ можно уловить желчно горькую обиду на Создателя и черныи упрекъ своей сотворенно-

*) Таково напр., ученіе о предопредѣленіи — самомъ ужасномъ плодѣ теизма. Ему вполне соотвѣтствуетъ ученіе о желѣзно необходимыхъ законахъ природы и бытія, гдѣ именно болѣе всего видно внутреннее тождество теизма и пантеизма.

сти («зачѣмъ Ты меня создалъ, — я не просился въ бытіе»). Это — состояніе противоположное молитвѣ т. ск., «антимолитва».

Я воскресеня не хочу,
И мнѣ совѣмъ не надо рая
Не опечалюсь, умирая,
И никуда я не взлечу...
Я погашу мои свѣтила,
Я затворю мои уста.
И въ несказанномъ бытіи
Навѣкъ забуду все, что было...
(Ф Соллогубъ).

Это желаніе всесторонняго забвенія и, слѣдовательно, небытія*) — въ предѣлѣ своемъ имѣетъ отверженіе Духа Утѣшителя. Здѣсь удивительная діалектика, ибо отвергается полетъ ввысь, къ раю, который, хотя и причиняетъ великія муки, — крылья человѣку, вѣдь, даются даромъ, — но зато и связанъ съ великимъ утѣшеніемъ Духа Утѣшителя. Его отверженіе оставляетъ лишь при зломъ, погибельномъ страданіи, страданіи «звѣрскомъ» (въ одіозномъ смыслѣ этого слова) — роковымъ и неизбежнымъ къ тому же.

Страдать? Страдаютъ всѣ.
Страдаетъ темный звѣръ безъ упованія,
безъ сознанія

Но передъ нимъ навѣкъ закрыта дверь
Туда, гдѣ радость теплится страданья...
(А. Фетъ).

Христіанство здѣсь даетъ исцѣленіе и утѣшеніе совершенно особаго рода. Оно говоритъ, что Богъ до конца раздѣлилъ участь людей — и притомъ самое горькое — безотвѣтность молитвы.

Молчаніе неба предчувствуется уже въ Гефсиманскую ночь. — Въ отвѣтъ на огонь молитвы Сынъ Человѣческой все труднѣе и труднѣе, все рѣже и рѣже получалъ съ неба отвѣтныя лобзанія. — «И находясь въ бореніи, прилежнѣе

*) Противоположное ученію Церкви о вѣчной памяти.

молился, и былъ потъ Его, какъ капли крови, падающія на землю» (Лук. 22. 44). Ангель молитвы явился Ему въ послѣдній разъ, въ послѣдній разъ блеснулъ блѣдный лучъ божественнаго свѣта: на Голгофѣ было уже полное молчаніе и полный мракъ. И это была страшная вѣчность, ибо не формальнымъ временемъ измѣряются такіа страданія. Любовь Иисуса Христа къ людямъ и къ Отцу приобрѣла въ это неизглаголанное мгновеніе образъ полной нераздѣленности — и крестныя окровавленныя объятія были словно раскаты напрасно.

Тогда все мірозданіе «отъ земли до крайнихъ звѣздъ» наполнилъ вопль послѣдней и предѣльной молитвы.

«Боже Мой, Боже Мой, зачѣмъ Ты Меня оставилъ?»

И что сказать? Быть можетъ, молчаніе это единственный возможный отвѣтъ на тайну предѣльной или, лучше сказать, безпредѣльной скорби. И все молчало. Въ глубинахъ духа Сына Человѣческаго свершались тайна и чудо великой непобѣдимой, даже молчаніемъ, любви. Чудо это съ изумительной прозорливостью, неслыханной за все время историческаго христіанства, уловилъ А. С. Хомяковъ, сказавъ, что послѣ вопля Христова «Боже Мой, Боже Мой», уже никто не можетъ считать себя оставленнымъ Богомъ, ибо съ нимъ Богъ, оставленный Богомъ*).

«Съ нами Богъ», — это послѣ безотвѣтнаго вопля Христова на землѣ имѣетъ всесторонній, универсальный смыслъ.

Безотвѣтность же молитвы означаетъ трагическую діалектику свободы. Она разрѣшается и снимается утѣшеніемъ Духа Святого, который уже выше свободы и по ту сторону свободы, хотя и самъ есть дыханіе свободы. Молчаніе не-

*) Мы здѣсь нѣсколько перефразируемъ подлинникъ Хомякова, сообщая ему заостренно-діалектическій характеръ.

ба въ отвѣтъ на мольбу твари, это тоже что молчаніе твари на мольбу Бога. Повторяю, — здѣсь очень трудная и страшная діалектика свободы и духа, но она ничего общаго не имѣетъ съ жестокостью молчащаго Бога, которую человѣкъ себѣ измыслилъ по образу своей собственной жестокости. **Безотвѣтная молитва есть страдальческое переживаніе своей собственной божественности**)**, излучающей въ небытіе свободы лучи любви, чтобы тамъ загорѣлось новое бытіе, какъ тамъ загорѣлось нѣкогда отъ творческаго глагола Божія, обращеннаго въ бездну свободнаго ничто. «На безднѣ утверждено бытіе человѣка и не укрыться отъ нея подъ кушей обыденщины», говоритъ о. С. Булгаковъ. Но одно изъ самыхъ обыденныхъ и даже обывательскихъ мнѣній это то, что молитва должна быть исполнена, если Богъ есть. Причемъ, въ понятіи исполненія вкладывается мысль о реализаціи, какой либо конкретной мольбы (ибо обыватели смѣшиваютъ мольбу съ молитвой, о чемъ говорилось выше). Но подлинная молитва есть всегда горѣніе великой любви и, какъ таковая, она всегда уже услышана, хотя бы эмпирическіе результаты и замедлили. Кромѣ того, великая любовь несовмѣстима съ плоскими и низменными мольбами, ибо послѣднія, какъ разъ, по большей частью, если не всегда, связаны съ эгоизмомъ въ его различныхъ вариантахъ — т. е. съ недостаточностью, если не съ отсутствіемъ

**) Здѣсь все та же діалектика, которая великолѣпно выражается въ словахъ псалма:

«Ты испыталъ насъ, Боже, переплавилъ насъ, какъ переплавляютъ серебро. Ты ввелъ насъ въ сѣть, положилъ оковы на чресла наши. Посадилъ человѣка на главу нашу. Мы вошли въ огонь и въ воду, и Ты вывелъ насъ на свободу» (Пс. 16, 10-12)

любви. Самъ божественный духъ вопіетъ въ нашихъ сердцахъ «Авва Отче», говоритъ апостоль Павелъ «Сама истина побуждаетъ насъ искать истину» — гениально вѣщаетъ св. Макарій Египетскій. Самъ фактъ молитвы есть внутреннее доказательство ее услышанности, доказательство бытія Божія — онтологическое доказательство. А то, что расплаемый огнемъ любви духъ съ болью воспринимаетъ, какъ неуслышанность, это лишь есть мучительно замедленный огонь отвѣтной любви недовольствующійся малымъ, но требующій вѣчнаго и непрерывнаго повторенія пламенно-страстныхъ словъ любви, въ себѣ самихъ заключающихъ цѣль. Этого рода діалектика составляетъ основную сущность евангельской мудрости*). «Блаженны алчущіе и жаждущіе правды, ибо они насытятся», — само алканіе и жажда есть уже прикровенное насыщеніе, ибо даются насыщающимъ всякій голодъ и утоляющимъ всякую жажду Духомъ Божиимъ, — который, однако, непостижимымъ образомъ возбуждаетъ голодъ и восплаляетъ жажду къ божественному и цѣнному. Это же касается и текстовъ, — «Блаженны плачущіе, потому, что они утѣшатся». Само страданіе здѣсь уже есть прелюдія утѣшенія, или, лучше даже сказать, само утѣшеніе въ его страдальческомъ инобытіи. Богъ въ предѣлѣхъ есть великая красота, и молитва есть образъ преклоненія предъ этой красотой и въ то же время — возвышеніе духа къ ней. По существу дѣла, здѣсь мы стоимъ даже по ту сторону темы объ услышанной и исполненной мольбѣ. Служеніе красотѣ это «звукъ сладкіе и молитвы», — хотя бы цѣной неизглаголанныхъ мукъ.. И да будутъ благословенны эти муки!

*) Она же составляетъ основную «царскую» мысль, замѣчательной книги митр. Сергія «Православное ученіе о спасеніи».

Конечно, трагедія этимъ въ земномъ планѣ не снимается. Здѣсь остается неразрѣшенной проблема божественнаго всемогущества, какъ разъ въ томъ, что является самымъ трагическимъ въ бытіи, въ такъ называемой нераздѣленной любви Творца къ твари. Но въ самихъ этихъ понятіяхъ (т. е. могущество и нераздѣленная любовь), содержится рядъ внутреннихъ противорѣчій, сообщающихъ имъ внутреннюю діалектическую подвижность и, слѣдовательно, какой то выходъ изъ тупика, хотя бы и самъ этотъ выходъ былъ бы хожденіемъ по мытарствамъ

Подвержено большому сомнѣнію само существованіе абсолютно нераздѣленной любви. Любовь, если она есть настоящая любовь, зажигается только любовью и, слѣдовательно, по природѣ своей любовь есть взаимность, со-бытіе! Самъ фактъ молитвы есть въ такой же степени отвѣтъ, какъ и вопрошаніе. Также, какъ и любовь, всегда есть въ какой то степени отвѣтная любовь. Образъ всякой любви и «Любовь Любви», — Пресвятая Троица, — есть вѣчный, Единосущный огонь. Однако, любовь-молитва есть всегда любовь-молитва личностей. Поэтому въ любви не можетъ быть разлученія, но должно быть различіе. Въ планѣ земного поврежденнаго и падающаго бытія, съ его убывающей и изсякающей тварною любовью онтологическое различіе часто оборачивается психологическимъ разлученіемъ, глухотой и непониманіемъ. Но тогда нужно говорить о любви психологически искалѣченной, страдающей, мытарствующей, но не о нераздѣленной. **Паденіе любви — это переходъ ея изъ онтологіи въ психологію.** Великая, подлинная любовь обладаетъ страшной силой и всегда, рано или поздно, въ семь вѣкъ или будущемъ, достигнетъ любимаго, такъ же, какъ и обращенная къ нему молитва. Образъ этой достигающей, со-

вершенной любви данъ въ словахъ псалма: «Куда уйду отъ духа Твоего и отъ лица Твоего куда убѣгу? Взойду ли на небо, Ты тамъ. Лягу ли въ преисподнюю, вотъ Ты. Понесусь ли на крыльяхъ зари, поселюсь ли на концѣ моря; и тамъ рука Твоя поведетъ меня и удержитъ меня десница Твоя. Скажу ли: по крайней мѣрѣ тьма скроетъ меня, и свѣтъ станетъ ночью вокругъ меня; но и тьма не затмитъ отъ Тебя, и ночь свѣтла, какъ день; тьма, такъ же, какъ свѣтъ»... (Пс, 138, 7-12). Отъ проклятiя можно скрыться, можно оградиться, но отъ любви скрыться нигде нельзя. И не тщетно отцы говорятъ объ упорствѣ любви.

Богъ именно, какъ любовь, всемогущъ. Взятое же въ своемъ логическомъ пониманiи, понятiе всемогущества, конечно, антиномично, т. е. содержитъ въ себѣ «да» и «нѣтъ», т. е. содержитъ въ себѣ тезисъ и антитезисъ. Преподобный Максимъ Исповѣдникъ говоритъ, что Богъ не можетъ того, чего не хочетъ, но это и есть

одна изъ формулировокъ антиномiи божественнаго всемогущества. Богъ не хочетъ нарушать тварной свободы и смиряется передъ нею. Но великое смиренiе и есть всемогущество.

Мы понимаемъ, что обращенная къ разуму эта антиномичность не даетъ утѣшенiя. Тварь страдаетъ. Человѣкъ стонетъ. И больше всего стонетъ объ умноженiи любви и мира. И страждущему сердцу нѣтъ дѣла до равноцѣнности тезиса и антитезиса. Оно молится о тезисѣ и съ ужасомъ и болью отворачивается отъ антитезиса.

Но кто знаетъ, быть можетъ, — мы въ это вѣримъ, что в непрерывной молитвѣ, въ непрекращающемся огнѣ любви раскрывается тайна абсолютнаго «да», абсолютнаго тезиса, несомнѣннаго и твердаго отвѣта на любовь, и утвержденiя взаимности въ молитвѣ передъ лицомъ Божiимъ.

В. Н. Ильинъ.

Парижъ. Февраль.
1933.

«Эволюцiя» и «борьба за существованiе»

Девять десятыхъ изъ людей, мало-мальски образованныхъ, на вопросъ о происхожденiи мiра и жизни, отвѣтятъ, что въ основѣ всего лежитъ эволюцiя и законъ борьбы за существованiе, какъ мощный факторъ эволюцiи. Надъ выводами, вытекающими изъ этихъ ходячихъ утверженiй, при условiи, что эти утверженiя, продуманы до конца, мало кто задумывается. Между тѣмъ, если эволюцiя и борьба за существованiе, — послѣдняя основа и высшiй законъ жизни, то все становится безсмыслицей. Изъ ничто мiръ изошелъ и въ пустоту идетъ. Самопроизвольная «естественная» эволюцiя не можетъ продолжаться до безконечности. Сила жизни истощится, потухнетъ. Обезлюдѣвшая земля станетъ обледѣвшимъ

мертвецомъ, напряженнѣйшая дѣятельность человѣчества, страданiя, муки, вдохновенiе любви, — все только форма потуханiя энергiи, безрезультатная суета. Рано ли, поздно ли оборвется жизнь, погаснетъ сознание. вмѣстѣ съ послѣднимъ умершимъ человѣкомъ погибнетъ и память о томъ, что человѣчество страдало, мучилось, искало, стремилось, вѣрило.

Смерть — единственный полновластный, всемогущiй владыка, и, даже, богъ мiра. Она не торопится. Она знаетъ, что если царство жизни измѣряется десятками и сотнями тысячелѣтiй, то ея — безконечностью. Поэтому, она даетъ возможность живымъ существамъ позабыться, поиграть съ иллюзiей жизни.

Обожествленiе смерти, признание ея не-

побѣдимости, утверженiе неминуемости гибели — таковъ послѣднiй выводъ изъ ходячаго, безрелигiознаго, якобы «научнаго» мiросозерцанiя.

Это мiросозерцанiе въ сущности, — скрытая проповѣдь разрушенiя и уничтоженiя, воспитанiе воли къ смерти, къ самоумерщвленiю. Философiя пессимизма, (Шопенгауэръ, Гартманъ), философiя «сверхчеловѣка» (Штирнеръ, Ницше), философiя борьбы классовъ и диалектическаго безбожнаго материализма — съ одной стороны, философiя национальнаго мессiанизма, обожествленiе расы, силы, съ другой — все это лишь различныя маски одного и того же «духа небытiя», — все это формы поклоненiя смерти, пути воспитанiя воли къ небытiю, къ уничтоженiю, къ самоубiйству. Сознание неотвратимости конца, какъ послѣдней «правды», утверждаемой всякимъ безрелигiознымъ мировоззрѣнiемъ, рано ли поздно ли, встанетъ передъ сознаниемъ съ мучительной ясностью. Мiръ возжелаетъ уничтожиться сразу и мгновенно, чѣмъ томиться долгие годы ожиданиемъ нест- вратимой, безцѣльной гибели.

Въ интересной, вышедшей въ прошломъ году въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ книгѣ Н. А. Сетницкаго — «О конечномъ идеалѣ», книгѣ не христiанской, хотя и исходящей изъ Апокалипсиса, дана сжатая, но сильная и точная характеристика этого тайнаго смысла, этой «музыки подъ сурдинку» нашей безрелигiозной, атеистической современности.

Позволяемъ себѣ привести эту замѣчательную характеристику.

**

«Такiя ученiя, какъ системы Гартмана и Шопенгауэра, ученiе Ницше, ученiе физики объ угасанiи и паденiи мировъ, социальныя ученiя все выводящiя изъ борьбы и биологическiя построенiя, выдающiя смыслъ жизненнаго процесса въ взаимномъ вытѣсненiи и отборѣ эфемерно при-

способленныхъ существъ, всѣ они ведутъ къ сознанию безнадежнаго и неотвратимаго конца. Но, наряду съ этой безнадежной откровенностью въ признании неизбежности конца человѣчества, мы имѣемъ другую черту современнаго, по крайней мѣрѣ европейскаго, человѣчества — воспитанную и освященную христiанствомъ активность, привычку дѣлать послѣдовательные выводы отъ теорiи къ практикѣ и примѣнять и осуществлять ихъ на дѣлѣ. Такимъ путемъ создается положенiе, при которомъ смерть заражается активностью, и когда ожидание непрерывныхъ рядовъ будущихъ умиранiй, ожидание послѣдняго момента гибели человѣчества (хотя бы въ томъ образѣ, какъ рисовалъ себѣ Байронъ: въ видѣ послѣдней борьбы двухъ уцѣлѣвшихъ людей за послѣднюю искру огня на землѣ), становится нелѣпымъ и неосновательнымъ. При выборѣ между мученiями множества длительныхъ умиранiй и краткимъ мигомъ всеобщаго умерщвленiя, между безконечнымъ, пассивнымъ, томительнымъ, безнадежнымъ ожиданиемъ неминуемой смерти и минутнымъ, быть можетъ, экстазическимъ упоительнымъ моментомъ активно осуществленной гибели, выборъ, конечно, склоняется на сторону послѣдняго. Къ этому необходимо прибавить и третiй моментъ, характеризующiй современное сознание, это его принципиальный демократизмъ и коллективизмъ. Всеобщая, космическая, планетарная гибель всѣхъ совмѣстно и единовременно есть логическiй выводъ изъ демократически осмысленнаго трагическаго мировоззрѣнiя, въ итогѣ своемъ строящемся на предпосылкѣ конечной гибели».

(Н. А. Сетницкiй. «О конечномъ идеалѣ» 1932 г.)

**

Соблазнъ смерти, уничтоженiя, проповѣдь небытiя въ разныхъ формахъ, въ разныхъ видахъ овладѣваетъ сознаниемъ

и волей міра. Безрелигіозное міросозерцаніе не имѣетъ силъ преодолѣть власть этихъ подлинно «навихъ чаръ» (навымертвецъ, живущіе призрачною жизнью).

Вѣра во Христа Страдавшаго и Погребеннаго, смертью смерть Поправшаго и Воскресшаго, чаяніе воскресенія мерт-

выхъ, вѣра въ грядущее преображеніе міра для жизни будущаго вѣка, — одна — и только она одна, — освобождаетъ отъ страшной власти всепоглощающей смерти, возвращаетъ міру и исторіи смыслъ и цѣль.

Т.

Апологетическія замѣтки

СУЩЕСТВОВАЛЪ ЛИ ХРИСТОСЪ?

Несомнѣнно, что попытки, начавшіяся съ 18 вѣка, доказать, что Иисусъ Христосъ не является исторически существовавшей личностью, оказали вліяніе на широкія массы.

Въ газетныхъ статьяхъ, въ выступленіяхъ на различныхъ сѣздахъ, рассчитанныхъ на «широкую публику», утвержденіе, что Иисусъ — вымышленная личность, преподносится въ качествѣ результата, окончательно установленнаго современной наукой.

Антирелигіозное движеніе основывается на этомъ утвержденіи. Указаніе на отрицаніе историческаго существованія Спасителя заставляетъ колебаться въ вѣрѣ даже и нѣкоторыхъ изъ вѣрующихъ. Поэтому, по данному вопросу нужно обладать нѣкоторыми, хотя и элементарными, но драгоценными свѣдѣніями, чтобы знать, что сказать отрицающимъ.

Изложить детально столь значительную проблему въ коротенькой замѣткѣ, конечно, невозможно. Можно и желательно только указать, въ какихъ направленіяхъ, при наличіи желанія уяснить себѣ дѣйствительное положеніе вопроса, нужно итти, чтобы достигъ разрѣшенія проблемы.

Теоріи, отрицающія существованіе Спасителя, можно свести къ тремъ основнымъ типамъ.

1) Христیانство является одной изъ

тѣхъ многочисленныхъ «религій мистерій», которыми такъ богатъ былъ первый вѣкъ нашей эры. Христیانство имѣетъ съ этими религіями общую тему: всѣ онѣ говорили о спасеніи черезъ страдающаго Бога и о соучастіи въ его страданіяхъ. Отъ этихъ религій христیانство заимствовало извѣстныя ритуальныя дѣйствія — крещеніе, причащеніе и т. д. Иисусъ, подобно остальнымъ богамъ «религій мистерій» — Аттису, Озирису, Адонису, Митрѣ и др. — существовалъ только въ воображеніи вѣрующихъ, въ качествѣ символа или легендарнаго героя.

2) Сказанія объ Иисусѣ являются отголоскомъ обожествленія явленій природы. Почитаніе Иисуса является одной изъ разновидностей поклоненія солнцу, какъ божеству. Родина солнечнаго мифа — Вавилонъ.

3) Христیانство въ началѣ было социальнымъ движеніемъ, возникшимъ въ гетто (особые кварталы городовъ, отведенные спеціально для евреевъ) и въ портовыхъ городахъ Средиземнаго моря. Оно возникло какъ результатъ встрѣчи настроеній, развившихся на почвѣ крайне бѣдственнаго положенія греко-римскаго пролетаріата, съ мессіанскими чаяніями иудейства. Имя Иисуса Христа есть символическая кристаллизція встрѣчи этихъ силъ. Мифъ объ Иисусѣ былъ использо-

ванъ въ качествѣ средства для привлеченія къ этому революціонному движенію сторонниковъ.

Существуютъ теоріи, представляющія соединеніе въ различной мѣрѣ всѣхъ указанныхъ теорій, являющіяся какъ бы амальгамой всѣхъ ихъ. Тогда мифъ объ Иисусѣ представляется, какъ содержащій въ себѣ три мифа — мифъ религіозный, мифъ натуралистическій (солнечное божество) и мифъ социальный.

Какія замѣчанія нужно сдѣлать, чтобы ввести въ обсужденіе предложенныхъ теорій?

1) Значительное большинство специалистовъ по исторіи религіи или по научно-изслѣдованію библіи (екзегетовъ), какъ среди принадлежащихъ къ христیانскому исповѣданію, такъ и среди принадлежащихъ къ нему, теоріямъ, отрицающимъ существованіе Спасителя, противопоставляютъ энергичное и окончательное непротивіе этихъ теорій.

Съ другой стороны, авторы теорій — Древьсъ, Робертсонъ, Смитъ, Калтовъ и др. — по роду своихъ занятій были совершенно не въ курсѣ научно-изслѣдовательской работы относительно происхожденія христیانства. Они при изложеніи этихъ проблемъ были не болѣе, какъ диллетанты — любители. Конечно, подлинность научныхъ открытій не рѣшается ссылкой на большинство или меньшинство; и установленіе научной истины совсѣмъ не является преимуществомъ только специалистовъ. Но простой здравый смыслъ въ этомъ случаѣ указываетъ правильный выходъ. Если большая часть историковъ, работающихъ надъ вопросомъ о началѣ христیانства, притомъ одинаково — и вѣрующіе, и невѣрующіе, — отказываются признать, что Иисусъ — мифъ, то это, очевидно, потому, что не существованіе Иисуса совсѣмъ не такъ оче-

видно и непререкаемо, какъ это утверждаютъ.

2) Ни одно изъ предложенныхъ объясненій «мифа объ Иисусѣ» не можетъ считаться обоснованнымъ и доказаннымъ въ научномъ смыслѣ. Установить аналогіи (аналогіи, притомъ, очень поверхностныя, оставляющія безъ вниманія существенныя различія) между христیانствомъ и «религіями мистерій», или между христیانскимъ культомъ и вавилонскими мифами о солнцѣ или между Евангелиемъ и социальнымъ вдохновеніемъ перваго вѣка — не достаточно. Необходимо **доказать**, что «это» было причиной «того», и притомъ установить это съ полной достовѣрностью и несомнѣнностью. Но такого доказательства никогда еще не было дано. Никогда никто изъ тѣхъ, кто говоритъ о «миѣ объ Иисусѣ», не былъ въ состояніи установить, на основаніи достаточно убѣдительныхъ и доказательныхъ данныхъ, генезисъ (возникновеніе и развитіе) этого мифа.

3) Между Иисусомъ Христомъ, съ одной стороны, и богами «религій мистерій», или божествами, связанными съ обоготвореніемъ солнца, или олицетвореніемъ социального идеала, съ другой, существуетъ исторически коренная, непреходимая грань. Поклонники Аттиса, Озириса, солнечныхъ божествъ и т. д. никогда не могли ввести объектъ ихъ культа въ рамки дѣйствительной исторіи и точно обозначить время историческаго существованія почитаемаго ими божества. Совершенно вѣрно, что сказанія объ этихъ божествахъ цѣлкомъ относятъ ихъ происхожденіе къ отдаленному легендарному прошлому; жизнь и дѣятельность этихъ божествъ никогда не имѣетъ никакихъ точекъ соприкосновенія съ исторіей, достовѣрность которой можетъ быть проверена. Наоборотъ — точныя историческія указанія въ изобилии даны въ повѣствованіяхъ объ Иисусѣ Христѣ. Онъ современникъ Тиверіа,

Ирода, Пилата, Каиафы и т. д. Апостоль Павелъ, историческое существованіе котораго исключаетъ всякія сомнѣнія, утверждаетъ, что онъ имѣлъ общеніе съ тѣми, кто видѣлъ и слышалъ Иисуса.

4) Писатели первыхъ вѣковъ, враждебные Иисусу (Талмудъ, Цельзъ, Порфирій, Тацитъ, Таллусъ, Юліанъ Отступникъ) не оспариваютъ историческаго существованія Иисуса.

5) По существу, проблема историческаго существованія Иисуса есть проблема достовѣрности документальныхъ данныхъ, свидѣтельствующихъ объ историческомъ фактѣ жизни Иисуса.

Она, въ концѣ концовъ, сводится къ вопросу о томъ, являются ли Евангелія — основной источникъ свѣдѣній объ Иисусѣ — источникомъ исторически приемлемымъ. Въ данное время большинство и историковъ, и экзегетовъ, даже отвергающіе или значительную часть Евангелій, или почти все Евангеліе цѣликомъ, со-

КАКЪ БОРОТЬСЯ СЪ БЕЗБОЖІЕМЪ?

Для борьбы съ современнымъ безбожіемъ необходимы новые методы и новый подходъ, который соотвѣтствовалъ бы душевному состоянію молодежи, завлеченной безбожнымъ движеніемъ, отвѣчалъ бы на ихъ вопросы. Недостаточно противопоставлять имъ догматическія истины вѣры, необходимо вникать въ психологію безбожія, въ его мотивы, которые могутъ быть разны. Безбожіе, которое сейчасъ очень усилилось въ мірѣ, не есть только порожденіе злой воли и не всегда означаетъ ненависть къ Богу въ глубинѣ человѣческаго сердца. Безбожіе, которое имѣетъ возможность сейчасъ свободно себя проявить, означаетъ также, что неяснея отвѣтъ христіанскаго сознанія на многіе жизненные вопросы, что многіе старые отвѣты не соотвѣтствуютъ уже современной жизни. Многимъ кажется неяснымъ

гласны въ одномъ — Евангелія являются приемлемымъ и достаточнымъ свидѣтельствомъ историческаго существованія Иисуса Христа.

Повѣствованія, составленныя менѣе чѣмъ черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ даты, указанной въ качествѣ даты смерти Того, о Комъ они рассказываютъ (это относится къ первымъ тремъ Евангеліямъ), не могли выдумать ни всѣхъ подробностей жизни Того, о которомъ они повѣствуютъ, ни рассказа объ Его дѣятельности, протекавшей въ большомъ городѣ, передъ глазами множества людей.

Теоріи, отрицающія историческое существованіе Иисуса, могутъ быть отброшены, во-первыхъ, потому, что онѣ не основаны, во-вторыхъ, потому, что онѣ пртивоѣчаютъ свидѣтельскимъ показаніямъ, достаточно убѣдительнымъ и древнимъ, при наличіи которыхъ всѣ гипотезы, какъ бы остроумны и интересны онѣ ни были, не имѣютъ никакого значенія.

отношеніе христіанства къ наукѣ и къ вопросу социальному, и христіанство легко заподозривается во враждебномъ отношеніи къ современному умственному и социальному движенію. Современному молодому человѣку, отошедшему отъ традиціонныхъ вѣрованій, кажется, что вѣру въ Бога и Христа нельзя согласовать съ современной наукой. Онъ не можетъ понять, какъ согласовать вѣру въ Бога и въ Промысль со зломъ, страданіями и несправедливостями міровой и социальной жизни. Вѣра въ Бога представляется примиреніемъ со зломъ и страданіями жизни, защитой несправедливости. Въ пропагандѣ безбожія легче всего убѣждаютъ тѣмъ аргументомъ, что христіанство защищаетъ несправедливый социальный строй и мѣшаетъ осуществленію социализма. Постоянно указываютъ на то, что служители

религіи защищаютъ капитализмъ, враждебны движенію рабочихъ. Необходимо психологически выяснять, что приводитъ души къ безбожію, пораженность ли зломъ и несправедливостями жизни, увлеченіе ли плохо переваренными научными теоріями, жажда ли созданія болѣе справедливаго социального строя и перспектива активнаго строительства. Каковы бы ни бывали христіане, само христіанство въ принципѣ не враждебно ни наукѣ, ни социализму, ни человѣческой активности. Христіанство постоянно искажалось въ угоду человѣческимъ интересамъ, но виновато въ этомъ не христіанство. При встрѣчахъ съ безбожниками имъ всегда слѣдуетъ ставить вопросъ о самомъ человѣкѣ, о его внутренней жизни, о смыслѣ жизни. Даетъ ли безбожіе смыслъ человѣческой жизни? Даетъ ли этотъ смыслъ наука или социализмъ, отвѣчаетъ ли она на всѣ запросы человѣка?

Вопросы, которые ставятся безбожнымъ движеніемъ, можно раздѣлить по тремъ рубрикамъ и ихъ нужно ставить при встрѣчахъ съ представителями безбожнаго движенія.

1.

Вопросъ 1. Приводятъ ли зло, страданія и несправедливости жизни къ невѣрію въ Бога и Христа?

Вопросъ 2. Какъ согласовать вѣру въ Христа — Искупителя и Спасителя съ тѣмъ, что міръ попрежнему полонъ зла, несправедливости и страданій?

Вопросъ 3. Не исходитъ ли само христіанство изъ факта зла, страданія и несправедливости и не является ли отвѣтомъ на это состояніе міра, какъ религія спасенія?

Вопросъ 4. Отрицаетъ ли христіанство активность человѣка въ борьбѣ со зломъ и несправедливостью? Отрицаетъ ли христіанство сотрудничество человѣка съ Богомъ, творчество лучшей, болѣе справедливой жизни?

Вопросъ 5. Не являлось ли въ исторіи христіанства оправданіе несправедливаго строя жизни и отрицаніе активности человѣка грѣхомъ христіанъ, а не самого христіанства?

II.

Вопросъ 1. Дѣйствительно ли существуетъ конфликтъ между настоящей наукой и христіанствомъ? Не является ли этотъ конфликтъ результатомъ смѣшенія двухъ плановъ — міра видимаго и міра невидимаго, міра природнаго и міра духовнаго, и не исчезаетъ ли онъ при ихъ разграниченіи?

Вопросъ 2. Не является ли безбожіе ученыхъ результатомъ не самой ихъ науки, а ихъ философіи, ихъ матеріализма, позитивизма, раціонализма и пр.?

Вопросъ 3. Не были ли многіе великіе ученые вѣрующими людьми, что не мѣшало ихъ наукѣ?

Вопросъ 4. Благопріятна ли современная наука, особенно физика, матеріализму, и не является ли матеріализмъ устарѣвшимъ и съ научной, и съ философской точки зрѣнія?

Вопросъ 5. Можетъ ли историческая наука, исторія религіи, разрѣшить вопросъ о сущности христіанства? Не разрѣшаетъ ли онъ лишь вѣрой, которая въ отличіе отъ знанія и отвѣчаетъ другимъ сторонамъ души?

III.

Вопросъ 1. Можно ли связывать христіанство съ какимъ-либо преходящимъ социальнымъ строемъ, напр., съ капитализмомъ или съ феодализмомъ? Не учитъ ли христіанство лишь вѣчному въ человѣкѣ и не представляетъ ли социальное устройство во времени человѣческому творчеству?

Вопросъ 2. Пртивоѣчаетъ ли христіанское ученіе о вѣчной жизни и царствѣ Божьемъ необходимости устраивать социальную жизнь на землѣ и притомъ въ соотвѣтствіи съ завѣтами Христа?

Вопрос 3. Не объясняется ли тотъ фактъ, что христіане въ исторіи иногда защищали интересы господствующихъ классовъ, грѣховностью и ограниченностью человѣка и вліяніемъ социальной среды, а не истиной христіанства?

Вопрос 4. Не явилось ли созданіе капиталистической системы съ ея несправедливостями результатомъ ослабленія духовной жизни и отступничества отъ христіанства?

Вопрос 5. Не можетъ ли быть согласовано социальное и рабочее движеніе нашего времени съ христіанствомъ и не приводитъ ли это движеніе къ отрицанію самого человѣка, если оно не приобрѣтетъ христіанской духовной основы?

Указанія литературы.

1. **С. Франкъ.** «Смыслъ Жизни». Кн. Е. Трубецкой. «Смыслъ Жизни». Вл. Соловьевъ. «Духовныя Основы Жизни». **Н. Бердяевъ.** «Философія Свободнаго Духа». **Н. Бердяевъ.** «О Достоинствѣ Христіанства и Недостинствѣ Христіанъ». **С. Франкъ.** «Крушеніе Кумировъ». **Б. Вышеславцевъ.** «Этика Преображеннаго Эроса». **Н. Бердяевъ.** «Христіанство и Активность Человѣка». **Н. Бердяевъ.** «Спасеніе и Творчество». (№ 2 «Путь»). **С. Франкъ.** «Соціальный Коллективъ и Личность Человѣка». **Н. Бердяевъ.** «Міросозерцаніе Достоевскаго».

2. **В. Ильинъ.** «Шесть Дней Творенія». **В. Ильинъ.** «Загадка Жизни и происхожденіе Живыхъ Существъ». **Д. Кернъ.** «Разумность Христіанской Вѣры». **Н. Бердяевъ.** «Философія Свободнаго Духа». **Б. Вышеславцевъ.** «Вѣра, Невѣріе и Фанатизмъ». **С. Франкъ.** «Матеріализмъ, какъ міровоззрѣніе». **В. Ильинъ.** «Матеріализмъ и Матерія». **В. Зѣньковский.** «О Чудѣ. Воз-

можность и Реальность Чуда». **Л. Карсавинъ.** «Апологетическій Этюдь» (№ 3 «Путь»). **Н. Бердяевъ.** «Наука о религіи и христіанская апологетика» (№ 6 «Путь»). **Н. Лосский.** «Матеріализмъ механистической и Матеріализмъ диалектической». **Н. Бердяевъ.** «Генеральная линія совѣтской философіи и воинствующій атеизмъ». **В. Зѣньковский.** «Тотемизмъ и Евхаристія». **С. Франкъ.** «Религія и Наука» (№ 4 «Путь»).

3. **Н. Бердяевъ.** «Христіанство и Классовая Борьба». **Н. Бердяевъ.** «Марксизмъ и Религія». **Б. Вышеславцевъ.** «Христіанство и Соціальный Вопросъ». **Г. Федотовъ.** «Соціальная Роль Христіанства». **Н. Бердяевъ.** «Христіанство и Активность Человѣка». **Н. Бердяевъ.** «Правда и Ложь Коммунизма». **С. Франкъ.** «Основы Марксизма».

Для борьбы противъ безбожнаго движенія необходимы знанія. Нельзя итти на войну невооруженнымъ. Безбожники вооружены, у нихъ есть необходимыя для ихъ цѣлей знанія, хотя и не очень глубокія. Для борьбы противъ безбожнаго движенія необходимо знакомиться съ безбожной литературой, вникать въ вопросы, которые тамъ ставятся, и давать на нихъ отвѣты. Рядъ брошюръ, который здѣсь указанъ, имѣетъ въ виду именно вопросы, поставленные въ антирелигіозной пропагандѣ, и аргументы, которыми при этомъ пользуются. Но необходимо знать не только популярную антирелигіозную литературу, необходимо знать основныя умственные и социальныя теченія нашей эпохи, для того, чтобы опредѣлить, что въ этихъ теченіяхъ противоположно христіанству, а что можетъ и должно быть имъ принято.

ЖИЗНЬ ДВИЖЕНІЯ

Прага. 2-го февраля, — въ день Срѣтенія Господня, — въ храмѣ св. Николая во время торжественной литургіи, совершенной епископомъ Сергіемъ, помощникомъ настоятеля пражскаго Николаевскаго прихода, о. іеромонахъ Исаакій и настоятель прихода въ Братиславѣ, о. іеромонахъ Никонъ, были возведены въ санъ игумена. Духовное торжество собрало много молящихся.

На другой день вечеромъ состоялось торжественное собраніе — Владыка Сергій, пражская паства, представители православныхъ приходо въ другихъ городахъ Чехословакии въ трогательныхъ выраженіяхъ привѣтствовали новаго игумена — о. Исаакія. Были получены многочисленные поздравленія почти изъ всѣхъ частей свѣта и отъ отдѣльныхъ лицъ и отъ организаций.

Предсѣдатель пражскаго объединенія Движенія — И. П. Георгіевскій обратился къ нововозведенному о. Игумену со слѣдующимъ привѣтственнымъ словомъ:

«Глубоко чтимый и дорогой отецъ Исаакій,

Въ этотъ столь знаменательный для Васъ день разрѣшите и пражскому объединенію Русскаго Студенческаго Христіанскаго Движенія за рубежомъ присоединить свое скромное привѣтствіе къ многими, безъ сомнѣнія, полученнымъ Вами поздравленіямъ.

Событіе сегодняшняго дня, возведеніе въ санъ игумена Васъ и отца Никона, является радостью для всего православнаго русскаго зарубежья и сорадуются и движенцы съ нимъ. Но мы считаемъ, что Вы еще и особо принадлежите нашей движенской семьѣ, какъ старый движенецъ, служеніе котораго послѣ принятія сана протекало и протекаетъ въ тѣсной связи съ общей движенской работой, получив-

шей одобреніе и благословеніе нашихъ архипастырей. Потому мы позволяемъ себѣ въ сегодняшній день и особо радоваться этому торжеству и гордиться Вами.

Мы прежде всего понимаемъ возведеніе Васъ въ санъ игумена не только, какъ награду за ревностное служеніе святой православной церкви, но и какъ непреложное утвержденіе, что Вы достигли той степени духовнаго опыта, когда Вы становитесь вождемъ паствы. И многіе, думается, замѣтили, какъ сіяло радостью лицо нашего владыки Сергія во время совершенія литургіи и чина возведенія въ санъ игумена его ближайшихъ двухъ помощниковъ, стоявшихъ одинъ по правую, а другой по лѣвую отъ него сторону: теперь они призваны высшей церковной властью раздѣлить съ нимъ въ предѣлахъ его викаріата труды духовнаго водительства.

Но и другое болѣе широкое значеніе имѣетъ сегодняшнее торжество, какъ одинъ изъ этаповъ борьбы за православно-національное бытіе Россіи. И тутъ невольно обращается мысль къ новой обители преподобнаго Сергія, иноками коей и Вы и отецъ Никонъ являетесь. Эта обитель Сергіева призвана къ подвигу во многомъ подобному тому, какой совершала обитель основанная самимъ Преподобнымъ. Мы не можемъ вспоминать всю славную исторію Свято-Троицкой Сергіевой Лавры, а хотимъ лишь остановиться на подвигѣ, выполненномъ ею въ пору тяжелыхъ испытаній, пережитыхъ нашей родиной на грани 16-го и 17-го вѣковъ. — Тогда рѣшалась судьба православной Руси, плоть ея терзалась правными «врагами», а на російскій престолъ пытался сѣсть чуждый русскому народу и враждебный православной церкви человѣкъ.

Но разбились вражескія козни о твердость російскаго патріарха Священномученика Гермогена и не достался царскій престоль инородцу и иновѣрцу, а когда умолкъ голосъ російскаго первосвятителя, умученнаго поляками въ заточеніи, то дѣло его продолжила обитель Сергіева, въ лицѣ своихъ славныхъ настоятелей-архимандритовъ, сперва Иоасафа, затѣмъ Діонисія совмѣстно съ братіей. И православно Московское царство было спасено.

Сейчасъ и плоть и духъ русскаго народа терзаются его врагами, кажется, нѣтъ предѣла его страданіямъ, а врагамъ кажется, что недалеко тотъ часъ, когда они окончательно вытравятъ изъ его души образъ Божій, замѣнивъ его образомъ звѣря. — Нѣтъ больше съ нами святѣйшаго патріарха Тихона, умолкъ голосъ его мѣстоблюстителя, томящагося въ ссылкѣ митрополита Петра, о которомъ церковь на каждомъ богослуженіи возносить молитвы, какъ «во узахъ сущемъ». Тѣмъ отвѣтственнѣе работа, стоящая передъ новой обителью Сергіевой, мудро основанной, несмотря на всѣ препятствія нашимъ архипастыремъ. Она дастъ молодымъ пастыремъ и дѣятелямъ на нивѣ православнаго просвѣщенія во всѣ концы русскаго разсѣянія, дѣйствуетъ и печатнымъ словомъ, а сегодня два ея инока стали духовными вождями, пока лишь малой части русскаго народа, но вѣдь весь смыслъ существованія этой части въ томъ, что она несетъ частицу русскаго духа, что она хранитъ и развиваетъ традиціи русской культуры, той области русскаго генія, которая напиталась отъ чистаго родника святой Православной Вѣры. Чтобы не сбиться съ пути, эта часть русскаго народа нуждается въ духовныхъ вождяхъ, отнынѣ Вы являетесь однимъ изъ такихъ вождей, на которыхъ лежитъ отвѣтственность громадная. А въ несчастной Россіи народъ мечется ища

вождей, которые бы вывели его изъ настоящей тьмы кромѣшной, ищеть и не видить, и не находятъ.

Да сподобитъ всѣхъ насъ милосердный Господь съ покаяннымъ чувствомъ вернуться на родную землю и Вамъ водителемъ существовать церковнымъ русскимъ народомъ не раздѣленнымъ никакими преградами. Тогда только при собранности всѣхъ духовныхъ силъ нашего народа сможетъ быть высказана та «великая идея», которую предчувствовалъ Достоевскій и которая должна «все вознести, все спасти, возбудить безконечныя силы и вызвать Россію къ новой, здоровой, великой жизни, доселѣ еще невиданной». Аминь.

Вамъ да пошлетъ Господь силу и здоровья для несенія Вашего новаго отвѣтственнаго служенія, на многая лѣта.

Просимъ для всѣхъ насъ Вашихъ святыхъ молитвъ и благословенія».

Чтеніе привѣтствій закончилось многолѣтнемъ виновнику торжества. Всѣ, какъ умѣли, искренне и тепло высказали чувства глубокаго уваженія и любви къ своему пастырю. Собраніе носило очень сердечный характеръ.

**

Центральный секретариатъ, «Вѣстникъ» и все Движеніе привѣтствуютъ нововозведенныхъ о.о. игуменовъ Исаакія и Никона съ знаменательнымъ днемъ ихъ жизни, отъ всего сердца молитвенно желаютъ, чтобы Господь укрѣпилъ и умножилъ силы своихъ ревностныхъ труженниковъ на церковной нивѣ и сохранилъ ихъ на многія лѣта.

**

Братислава. 15 янв. Рус. Христ. кружокъ въ Братиславѣ было устроено собраніе, на которое собрались помимо друзей кружка и болѣе или менѣе постоянныхъ посѣтителей и многіе, желавшіе почтить память преподобнаго. Собраніе началось молебномъ и акафистомъ преподобному,

послѣ чего предсѣдатель кружка Н. Л. Лупандинъ въ краткомъ словѣ сказалъ о событіи, столѣтіе котораго воспоминается, отмѣтивъ разницу между боязнью смертнаго часа у большинства людей и молитвенно-радостнымъ состояніемъ преподобнаго передъ своей кончиной, съ пѣніемъ пасхальнаго канона ожидавшаго перехода въ другой міръ. Настоятелемъ прихода былъ прочтенъ докладъ. — о. Никонъ, отмѣтивъ избранничество св. Серафима съ дѣтства и указавъ, что избранничество состоитъ не въ легкости про-

хожденія пути къ святости, а наоборотъ, въ несеніи болѣе тяжелаго креста, въ прохожденіи болѣе труднаго жизненнаго подвига, рассказалъ послѣдовательно по періодамъ о жизни преподобнаго. Заканчивая докладъ, о. Никонъ указалъ, что въ кончинѣ преподобнаго мы видимъ проявленіе и утвержденіе словъ, что отнято у смерти жало, а у ада побѣда. Собраніе закончилось общимъ пѣніемъ величанія преподобному Серафиму.

Н. Х.

ОТЪ РУССКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА ВЪ ПРАГѢ.

9-го января 1933 года въ Прагѣ скончался профессоръ **Александръ Александровичъ КИЗЕВЕТТЕРЪ**. Кто не помнитъ его блестящихъ лекцій съ университетской кафедры, его ученыхъ трудовъ, его вдохновенныхъ словъ публициста и общественного дѣятеля? Кому не дорога память о немъ?

Русское Историческое Общество въ Прагѣ, предсѣдателемъ котораго былъ Александръ Александровичъ, взяло на себя починъ по сбору средствъ на погребеніе памятника на его могилѣ (Ольшанское кладбище). Историческое Общество обращается прежде всего къ многочисленнымъ ученикамъ и ученицамъ Александра Александровича по Московскому Университету, Высшимъ Женскимъ Курсамъ, Лазаревскому Институту, Театральному Училищу, Коммерческому Институту, Московскому Городскому Университету имени Шанявскаго, Русскому Юридическому Факультету въ Прагѣ, Русскому Педагогическому Институту имени Яна Амоса Коменскаго и Карлову Университету, а также къ многочисленнымъ слушателямъ

его публичныхъ лекцій, друзьямъ и почитателямъ памяти умершаго историка съ просьбой придти на помощь Обществу своими пожертвованіями на погребеніе памятника на могилѣ А. А. Кизеветтера. Историческое Общество хорошо знаетъ тяжелое матеріальное положеніе большинства бывшихъ слушателей Александра Александровича, но оно знаетъ также и то, что по всѣмъ странамъ міра разсѣяно очень большое количество его учениковъ. Поэтому пусть каждый пожертвуетъ ту сумму, какую сможетъ. Общими усилиями памятникъ будетъ поставленъ.

Въ свое время Русское Историческое Общество въ Прагѣ дастъ публичный отчетъ въ расходахъ по постановкѣ памятника. Если бы остались отъ постановки памятника свободныя средства, то они будутъ обращены на учрежденіе стипендіальнаго фонда имени А. А. Кизеветтера.

Правленіе Русскаго Историческаго Общества въ Прагѣ.

КНИГИ, ПОЛУЧЕННЫЯ РЕДАКЦІЕЙ ДЛЯ ОТЗЫВА.

Серія «Опроверженіе безбожія». Выпускъ I.

Ф. Е. Мельниковъ. Безбожники — сами вѣрующіе, но безсознательно. (Не-

предвидѣнный диспутъ на пріемѣ на пчеловодные курсы въ Сов. Россіи). Кишиневъ.

Интересная и нужная брошюра. Чистый языкъ, ясное изложеніе дѣлаетъ ее доступной для широкихъ круговъ читателей.

Выпускъ II.

Старообрядческій епископъ Иннокентій. «Въ защиту религіи» (лекція). Кишиневъ.

Рядомъ убѣдительныхъ доказательствъ

и остроумныхъ примѣровъ Владыка Иннокентій показываетъ несостоятельность и бессмысленность цѣлаго ряда ходячихъ возраженій противъ религіи.

Т. Таманинъ. «Отечество» (романъ). Издательство УМСА-Прессъ.

о. Г. Флоровскій. «Византійскіе отцы У—VIII вѣка».

Архіеп. Веніаминъ. «Небо на землѣ». — Ученіе о. Іоанна Кронштадтскаго о божественной литургіи. Православное издательство. Парижъ.

Издательство УМСА-PRESS
10, Bd. Montparnasse; Paris (XV).

КНИГИ ИЗДАННЫЯ ВЪ 1932 Г.:

	Долл.
В. Кельсиевъ. — Москва и Тверь. Ист. повѣсть.....	0.80
Г. П. Федотовъ. — Святые древней Руси	1.35
» — И есть и будетъ	1.20
Е. Булгакова. — Царевна Софья	1.20
Борисъ Зайцевъ. — Жизнь Тургенева	1.50
Джемсъ Паркъ. — Евреи среди народовъ	0.80
Левъ Шестовъ. — Скванный Парменидъ	0.80
С. Троицкій. — Размежеваніе или расколъ?	0.70
А. В. Карташевъ. — На путяхъ къ вселенскому собору	0.70
Прот. С. Булгаковъ. — О чудесахъ Евангельскихъ	0.50
Іером. Іоаннъ. — Причта о неправедномъ богатствѣ.....	0.10
» — Правило Духа	0.10
Н. Бердяевъ. — Генеральная линия совѣтской философіи и воинствующій атеизмъ	0.15
А. Карташевъ. — Церковь и государство	0.15
И. А. Лаговскій. — Коллективизмъ и религія	0.15
Рѣчи Н. А. Бердяева, В. Н. Ильина, Г. П. Федотова, Прот. С. Булгакова въ откры- томъ собраніи Религіозно-Философской Академіи	0.15
Б. П. Вышеславцевъ. — Трагизмъ возвышеннаго и спекуляція на пониженіе.....	0.15
У Ч Е Б Н Ы Я П О С О Б І Я :	
Первая книга по Закону Божию	0.35
Проф. П. М. Бицилли. — Хрестоматія по русской литературѣ, ч. II, XVIII вѣкъ..	0.50
Проф. М. Л. Гофманъ. — Русское правописаніе	0.12
Проф. Н. К. Кульманъ. — Какъ учить нашихъ дѣтей русскому языку.....	0.05
КНИГИ ДЛ Я ДѢТЕЙ :	
Народная сказка «БАБА ЯГА». Текстъ обработ. Н. А. Тэффи	0.90
«СКАЗКА ОБЪ АЛЕШѢ». — Сост. П. Ю. Зубовымъ	0.60
Валерій Каррикъ. — «СКАЗКИ - КАРТИНКИ»: «Теремокъ», «Коза-дереза», «Три медвѣдя». Три книжки по	0.16

ЯНВАРЬ 1933 Г. Только-что вышли изъ печати книги:

	Долл.
Т. ТАМАНИНЪ. — Отечество (романъ)	1.00
о. Г. ФЛОРОВСКІЙ. — Византійскіе отцы. V-VIII в.....	2.—

П Р А В О С Л А В Н О Е И З Д А Т Е Л Ъ С Т В О .

Русская типографія имени о. Іоанна Кронштадтскаго

5, RUE PETEL, ПАРИЖЬ. ХУ.

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ:

- Небо на землѣ. (Ученіе о. Іоанна Кронш. о Божеств. Литургіи, сост. по его твореніямъ Архіеп. Веніаминомъ. Ц. 1/2 дол.).
- Акафисты; Иверской Б. М., Державной Б. М. Скорбящей Б. М., Св. Николаю Чудот., Св. Трехъ Святит. Вселенскимъ, Пр. Серафиму Саровскому — по 3 франка.
- Великій канонъ св. Андрея Критскаго — 5 фр.
- Канонъ и молитвы ко Св. Причащенію — 3 фр. Русско-Японская война и Архіеп. Николай Японскій (Митроп. Сергія Японскаго) — 1 фр.
- Недѣля въ Патріархіи. (Впечатлѣнія и наблюденія Митроп. Елевѣрія отъ поѣздки въ Москву (часть 1) — 3 фр.
- О. Іоаннъ (Кронштадтскій). (Двѣ бесѣды. Автобіографія. Постановленіе о прославленіи) — 1 фр.
- Православіе. (Ежемѣсячный журналъ; издается въ Парижѣ съ 1_го ноября 1932 года Трехсвятительскимъ приходомъ Московск. Всероссійск. Патріархіи; посвященъ памяти о. Іоанна Кронштадтскаго и его пастырскимъ завѣтамъ).

Редакторъ Архіепископъ Веніаминъ.

Цѣна отдѣльнаго номера 1 фр. На годъ 10 франковъ.
За границу 1 1/2 » — » 15 »

ПЕЧАТАЮТСЯ

- Всѣмирный свѣтильникъ. (Житіе Преп. Серафима Саровскаго. Сост. Архіеп. Веніаминъ).
- Бесѣда Преп. Серафима съ Мотовиловымъ (съ дополненіемъ вновь найденнаго разсказа Мотовилова).
- Недѣля въ Патріархіи. (Продолженіе).

Выписывающіе отъ издательства за пересылку не платятъ. Книгопродавцамъ обычная скидка.

Православное издательство не преслѣдуетъ торговыхъ выгодъ. Просить всѣхъ сочувствующихъ содѣйствовать распространенію свѣдѣній объ его изданіяхъ.

ЦѢНЫ НА ОБЪЯВЛЕНІЯ:

Цѣлая страница	60 фр.	Четверть страницы	20 фр.
Половина страницы	30 >	Восьмая ч. >	10 >

Редакторъ: **И. Лаговскій.**

Адресъ Редакціи: **1. LAGOVSKY, 10, Boulevard Montparnasse, Paris (XV).**

Тѣл.: **Ségur 31-68.**

Изданіе Р. С. Х. Движенія за Рубаномъ

„В Ъ С Т Н И К Ъ“

Органъ русскаго Студенческаго Христіанскаго Движенія за Рубежомъ
(восьмой годъ изданія).

Особое вниманіе обращено на освѣщеніе церковной жизни въ сов. Россіи, на хро-
нику антирелигіозной пропаганды. Имѣется отдѣлъ посвященный вопросамъ религіозно-
національнаго воспитанія русскаго юношества въ эмиграціи.

Можно выписывать бесплатно пробные номера.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ

	на годъ	отд. №		на годъ	отд. №
Во Франціи съ колон.	30 фр.	3.—фр.	Въ Румыніи	220 лей	20 лей.
Въ Англіи	6 шил	6 пен.	(при условіи посылки заказной бан- деролью 300 лей въ годъ).		
» Бельгіи	9 белг.	0.80 б.	Въ Финляндіи	1.50 дол.	0.15 дол.
» Болгаріи	140 левъ	15 л.	» Чехословакіи	45 кр.	4 кроны
» Германіи	5.50 мар.	0.50 м.	» Эстоніи	5 кр.	0.50 кр.
» Италиі	26 лиръ.	2.50 л.	» Югославіи	65 дин.	6 динар.
» Латвіи	6.50 латъ	0.60 л.	Остальн. страны	1.50 ам. д.	0.15 дол.
» Литвъ	13 литъ	1.20 л.			
» Польшѣ	12 злот.	1.10 з.			

Рабочіе и студенты во всѣхъ странахъ, исключая Америку, Англію, Швейцарію
Италію, англійскія колоніи и Дальній Востокъ, при условіи подписки на годъ, могутъ
пользоваться скидкой (годовая плата 1 американ. долларъ).

Деньги въ редакцію можно посылать почтовымъ переводомъ, чекомъ, или въ заказ-
номъ письмѣ, въ любой валютѣ.

Пріемъ рукописей, объявленій, выдача
справокъ и указаній, а также получение
подписной платы производится:

АМЕРИКА: 1) N. Stember. 56. East 122 nd
str. NEW-YORK. City.

2) T. Karpovitch, 67 Walker st. CAMBRI-
DGE.

3) Rt. Rev. A. Viacheslavoff, 1520, Green
Str. San-Francisco Calif.

АНГЛІЯ: V. Rastorgoueff, 80, March-
mont Str. LONDON W. C. I.

БОЛГАРИЯ: E. Наумовъ, СОФИЯ. Пе-
гентска 38.

БЕЛЬГИЯ: Mme M. A. Petroff, Jette
St.-Pierre, Hopital Brugmann. BRU-
XELLES.

ГЕРМАНИЯ: 1) A. Pawlowitsch, Tempel-
hofer Ufer, 18II, BERLIN, S.W. 61.

2) Fürst D. Obolensky. Carlovitzstr. 15
DRESDEN.

3) W. Schwesoff Bahnhofstr. 6. II FREI-
BERG I. Sa.

КИТАЙ: 1) В. Коченева, Почтовая ул.
между Гиринской и Цишикарской; домъ
М. И. Мещерскаго. HARBIN.

ЛАТВІЯ: 1) N. Litvin, Turgeneva iela
21a, dz. 8. RIGA.

2) M-ele P. Krukovsky Krasta iela 21.
DAUGAVPILS.

ПОЛЬША: 1) E. Polonska, Aleje Ujazdow-
skie 6/8 Obserwator. Astron. Warszawa .
2) «Dobro», ul. Krakowskie Przedmiescie
53. WARSZAWA.

ФИНЛЯНДИЯ: 1) A. Schavoronkova,
Luostarinkatu 9 as. 2. VIIPURI. 2) Mr
Reiche, KELLOMAKI.

ФРАНЦІЯ: 1) Въ редакціи Вѣстника
10, Bd. Montparnasse, PARIS. XV.

2) A. Bogatskoy, 7, Av. Thérèse E-te
Perrimond Nice. A. M.

ЧЕХОСЛОВАКІЯ: 1) S. Malloj, 271.
Belohorska, Brevnov. PRAHA.

2) V. Voskobjnikov. Krajinsky urad odd.
Mostné Belnayova 1-3 BRATISLAVA.

3) A. Vissarionoff, 18, Kralovopolska
Zabovresky. BRNO.

ЭСТОНІЯ 1) N. Golubeva. Toomvaestekooli
15-6. TALLINN.

2) H. Lange. TARTU. Kalda t. 10.

3) S. Nikitin. NARVA. Kooli t. 3.

4) A. Petchnikova Smolenskaja 28,
PETSERI.

РУМЫНІЯ: L. Gloukhoff. Tescani, jud Bacau
ЛИТВА: E. Sokolsky, Italiios 56 KAUNAS

ЮГОСЛАВИЯ: N. Ribinski, Kosovska, 51.
BEOGRAD.